ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. Р.

СКВОЗЬ ПУРГУ И ПРОТИВ ВОЛНЫ

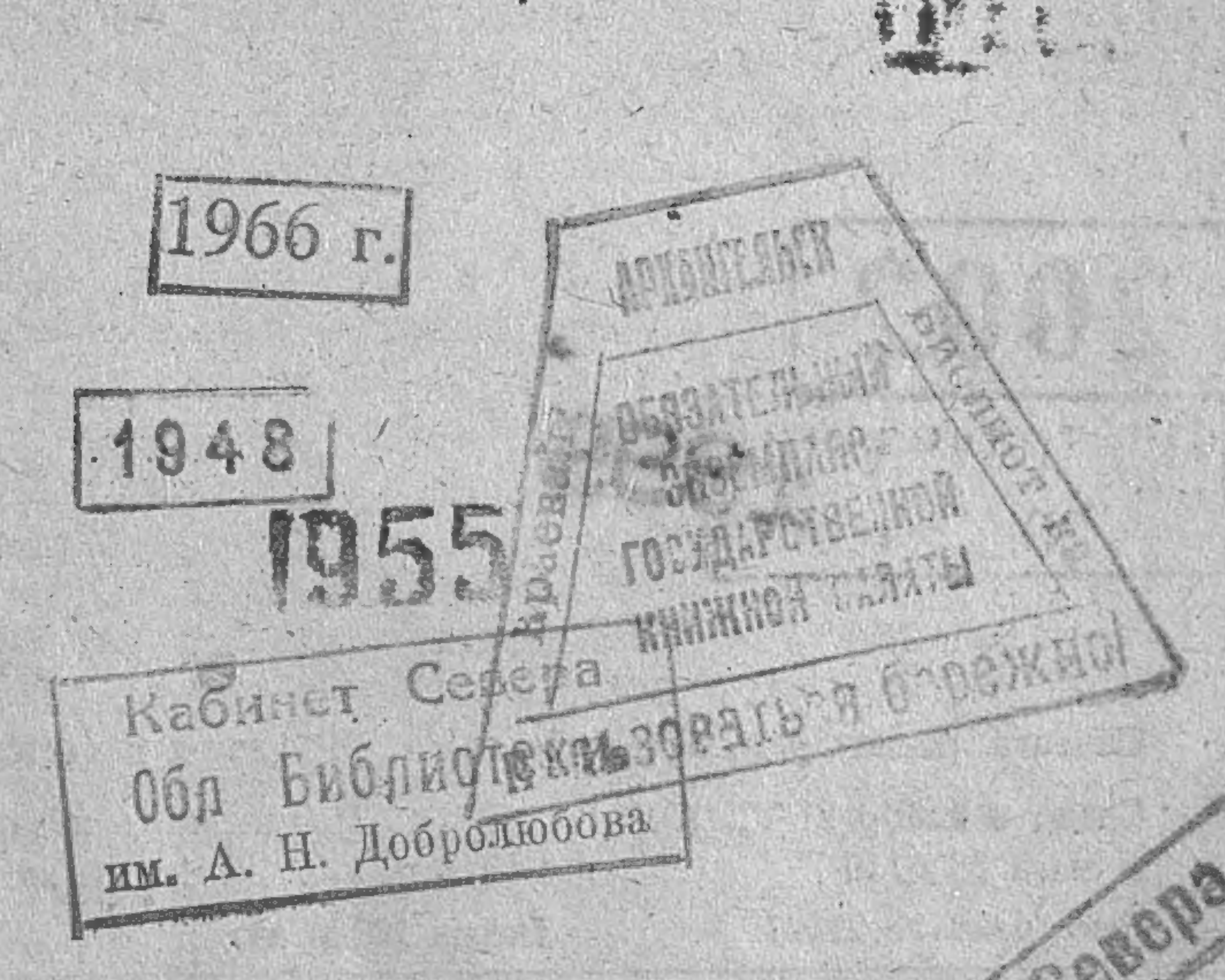
ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО АРКТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
1933

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

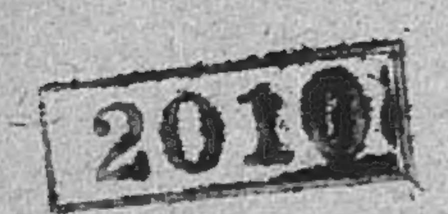
Л. О. РЕТОВСКИЙ

СКВОЗЬ ПУРГУ И ПРОТИВ ВОЛНЫ

ЛЕНИНГРАД 1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО АРКТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Отвеств. редактор *М. А. Дьяконов* Технич. редактор *М. П. Орловская*

Сдано в набор 21/VII 1933 г. Подписано к печати 20/VIII 1933 г.

Бумага 88×110 Об'ем 5 п. л. Печ. знаков в 1 п. л. 43940

Ленгорлит № 21527 Тираж 10000 экз. Заказ № 6226

Типография „Советский Печатник", Моховая, 40

I. СОН ИЛИ ПРАВДА?

И снежных вихрей подъятый
молот
Бросил нас в бездну, где искры
неслись,
Где снежинки пугливо вились.

А. Блок. „Настигнутый мятелью“.

— Да что ты, Илья! Это тебе просто почудилось. Сирена? Ну, скажи сам, откуда здесь взяться пароходу? Да еще в такую погоду!

Илья больше не спорит. Кто знает? Может быть ему и впрямь только померещилось. Завывал ветер, а ему показалось, будто — сирена. Может быть...

Он наклонился над столом, хмурый, серьезный. О чем задумался, Ильюшенька? Нет. Старый моряк не задумался, он не привык долго думать, он — слушает. Он вспоминает мелодию ночного шторма, ловит в памяти далекие заунывные звуки, ворвавшиеся диссонансом в грозную песню ветра.

Молча глядим мы на Илью. Наблюдаем, как он долго всматривается в стакан мутного чая, как степенно прихлебывает. Что-то не ладно. Ясно, что Илья не согласен с нашими доводами. Только возразить ему нечего.

Пусть его... Пониженным голосом продолжаем разговор. Говорим о четырехдневном шторме, о солнце, которое на-днях должно будет впервые подняться над горизонтом, о работе, которую надо будет возобновить, как только позволит погода. Но разговор сегодня клеится плохо, мы встревожены рассказом Ильи. Нам как-то не по себе. Илья молчит, ему почему-то тоже не хочется говорить с нами. Куда девалась его обычная словоохотливость и веселость?

Каждый торопится допить свой стакан чая, спешит встать и уйти, — заняться своим делом.

Встает и Илья.

Нет. Он не ошибся: этот слабый, но резкий звук, это не голос бури, не свист ветра, не шум волны, это — человек зовет. Это кричит пароход, сиреной вызывает помощь. Это — SOS![1]

Илья подходит к окну.

В дымке полуденного рассвета теряются очертания соседней „брюги". Бурными, пенистыми волнами мчатся густые заряды снега, обрушиваются на станционный дом и исчезают во мгле. Дрожат рамы в окнах, огонь в лампе ярко вспыхивает и коптит. Медленно отходит Илья от окна, поправляет фитиль.

Этой ночью он точно также стоял у окна.

Этой ночью ему, как обычно, плохо спалось. Как обычно, поднялся он с койки, чтобы свернуть козью ножку. Раньше в молодости, когда он плавал матросом, приходилось ему становиться в это время на вахту. Привычка просыпаться в четыре часа утра сохранилась и по сейчас. Как часто случалось ему в его морской жизни стоять, как сегодня, около иллюминатора, смотреть в черноту бурной ночи и слушать песни свободных стихий, слитые в огромную, великую симфонию смятения природы. Он, северянин, привык дышать глубоким, как порыв ветра, дыханием полярной зимы. Сухой шелест мятели, острый, скользящий свист штормового ветра и глухой рокот прибоя на море — эти необычные для нас мелодии — такие же родные для Ильи Безбородова, как шуршание шагов толпы на тротуаре, гудки автомобилей и грохот телег для нас, жителей большого города. И если нам нетрудно среди городского шума различить легкий вскрик женщины, испугавшейся трамвайного звонка, то привычное ухо Ильи так же чутко ко всякому постороннему звуку, врывающемуся в хор голосов стихий.

Этой ночью Илья не мог спокойно курить. Козья ножка потухла в пальцах опущенной руки; человек стоит неподвижно, тесно прижавшись к стеклу окна. Вот, вот опять... Нет, это не может быть ветер! Ведь не снится же ему. Потом... нет, это не то. Как-будто стихло...

Проходит полчаса. Илья отходит от окна. Сон совсем улетел. Быть может, это ему только показалось?

---

[1] SOS—Международный сигнал бедствия. По телеграфной азбуке Морзе передается тремя точками, тремя тире и опять тремя точками. Звуковые сигналы: три коротких гудка, три долгих и опять три коротких. *Примеч. ред.*

До утра Илья лежит, ворочаясь с боку на бок.

Настал день. Илья рассказал о ночном случае обитателям станции. Они не поверили. Ну, что ж, подождем, посмотрим — думается Илье.

Надо заняться делом. Ловкими привычными движениями пальцев вяжет Илья узлы на сетке для морского зверя. Руки делают свое дело, но мысли свободны.

Он хорошо знает местный флот. „Сибиряков"... „Сосновец"... „Ястреб"... кто бы это мог быть? Десятки названий пароходов, промысловых ботов и парусников проходят через мозг. И сколько воспоминаний связано с каждым. На этом суденышке, маленьком и ветхом, он плавал еще юнгой, на том пароходе он в числе прочих матросов терпел крушение, на третьем — красавце — „Пассажире", он... да что копаться в прошлом! Не в его это привычках. Надо забыть и про ночной кошмар. Лучше думать о том, что любо сердцу, что близко ему, Илье, и так хорошо, до дна понятно. И думает Илья... Вспоминает поморское селение на берегу Белого моря, избу с женой и мальчишкой, который так здорово умеет грамоте. Думает и рассуждает с собой о хозяйстве.

Тишина на станции, монотонность работы и завывание ветра за окном наводят на Илью меланхолическое настроение и в такт движению пальцев он затягивает старинную тягучую песню о капитане, боцмане и матросах.

Трудно работать сегодня. Отложив книгу, отставив прочь микроскоп и лупу, мы слушаем песню. Голос Ильи, приглушенный расстоянием, теряет свою шероховатость. От песни веет прямой романтикой ушедших в прошлое веков, времен ушкуйников и парусных плаваний. Откинувшись на спинку стула, мы уходим от современности, погружаясь в напев бесхитростных слов:

Капитан-ан стоял на ю-уте,
боцман стоял на шкафу-уте...
бра-атцы, на шкафу-у-те...

Аккомпанимент непогоды постепенно стихает.

— Как вам кажется, Глеб Семенович, что бы это значило?

— Не знаю. Ему, наверное, просто показалось...

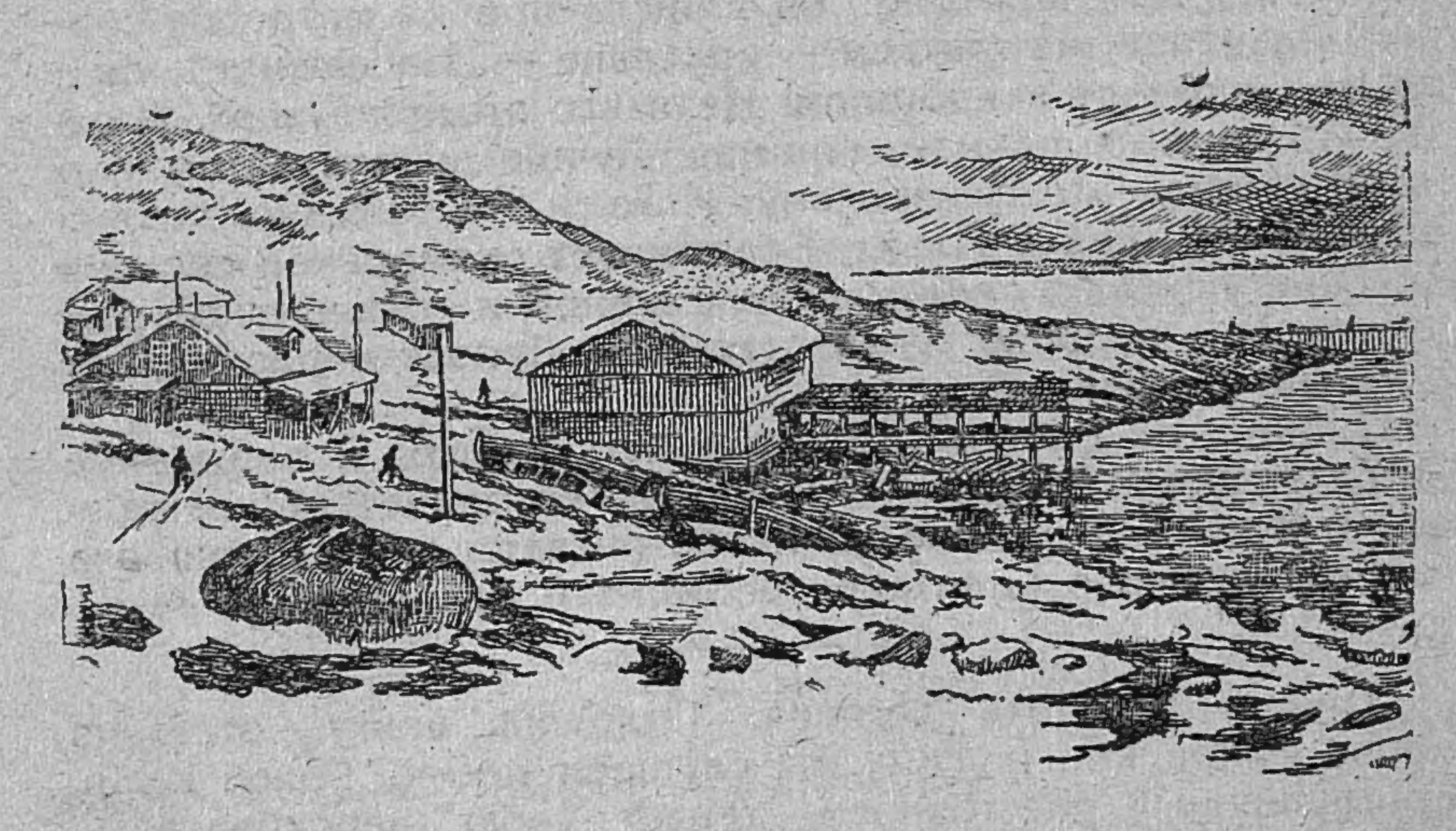
Некоторое время молчим.

— Ну, как у вас работа?

— Да вот, заканчиваю. Хотел подсчитать возраст пертуйков [1], только что-то не клеится сегодня, все думаешь об Илье.

— Вот и у меня ничего не выходит. Даже микроскоп отставил.

Разговор прекращается. Мы заставляем себя опять приняться за дело. Надо пользоваться непогодой, чтобы успеть просмотреть накопленный за прежние экскурсии материал. А материал этот интересный и важный. Ведь впервые ведутся такие работы на дальнем севере. Впервые ставится изучение промысла рыбы и морского зверя в области, являющейся преддверием Арктики.

Здесь, далеко за полярным кругом, энергией Института по изучению севера была основана специальная научно-промысловая станция. На восточном Мурмане, на берегу живописной бухты со своеобразным названием „Порчниха", нашли подходящее место, хороший дом и устроили здесь лаборатории. Помещение оказалось вполне пригодным для жилья, оно свободно вместило десять человек зимовщиков и лабораторное оборудование. На пологом склоне холма, шагах в тридцати от берега, поставлен бревенчатый дом, рядом — второй домик поменьше и огромное здание склада — „брюги", служащей одновременно пристанью для морских пароходов. Раньше здесь была фактория Госрыб-

[1] Молодь трески (*Л. Р.*).

треста, еще раньше здесь орудовал крупный промышленник Спаде, построивший нынешнее станционное здание и пристань.

Место, где стоит станция, пустынное — ни рыбаков, ни зверопромышленников здесь нет. Они живут по соседству в становищах Шельпино, к западу от станции и Захребетной, к востоку от нее. Зимой связь с ними очень трудная, потому что дорог в засыпанной снегом тундре нет; летом путь ведет через камни и мох, холмы и небольшие долины и представляет собой приятную прогулку. В зимнее время сюда заходит почтовый пароход раз в один или даже два месяца. Станция связана телефоном с остальными становищами побережья и Мурманском.

Основана станция в 1927 году. Она ставит себе большие задачи, имеющие конечной целью определить промысловые запасы рыбы и зверя, качественный и количественный состав и полезный коэфициент их. Для начала ставятся изучение подходов трески к берегам Мурмана, изучение молоди ее, развивающейся в прибрежной зоне губы, всестороннее изучение различных пород тюленей, заходящих в бухту, и определение общего биологического и гидрологического режима ее.

Вопросами ихтиологии заняты Глеб Семенович и наша сотрудница Елизавета Степановна; изучение гидробиологического режима бухты и окрестностей ее лежит на мне.

Мы утомлены беспрестанным штормом. Хочется скорее выйти на работу. Давно уже пора, но непогода не позволяет нам произвести срочные наблюдения в бухте.

Поэтому мы рады наступившему к полудню затишью.

Пора обедать.

На кухне повар гремит посудой. Матросы — Леня и Миша — расставляют в нашей „кают-компании“ тарелки. У Лени раскрасневшееся лицо, он только что принес дров с брюги. В нем играет молодая кровь, он все делает весело, смеясь. Вот и теперь он жонглирует каждой тарелкой, прежде чем поставить ее, потом хватает нож, ударяет им по краю посуды, затем по столу и по графину с водой. В левой руке у него звонок.

На шум в столовой сбегаются все обитатели станции. Приходит моторист с женой, приходим мы, „биологи“, как нас зовут остальные. Является и Илья.

Хмурость его исчезла. Он улыбается, грузно садится на скамейку и шутливо говорит вошедшему с миской повару:

— Ну, чтож, Константиныч, наливай себе да мне.

В тарелках дымится уха из соленой трески. Илья и Миша с азартом принимаются за пищу, со вкусом хлебают зеленоватую жидкость и обсасывают рыбьи косточки. Оба они северяне, они жить не могут без „трещечки“. Мы едим с меньшим аппетитом, треска нам порядком надоела.

На второе — свежая оленина. Теперь наш черед показать себя.

Затем на столе появляется большая кастрюля со всеми обожаемым компотом: Константиныч устроил нам сегодня сюрприз. Он мастерски готовит это блюдо. Еще бы, ведь он опытный повар московского отеля и знает, как много выигрывает простой, обыкновенный компот, если в него всыпать щепотку соли.

У всех веселое настроение.

Мы шутим над Ильей, смеемся над его ночными кошмарами:

— Ну, что ж, гудит еще твоя сирена?

Илья отмахивается.

После обеда решаем попробовать выглянуть наружу.

II. ГОСТИ С МОРЯ

„... и англичанин ушел с тем, чтобы поискать помощь где-нибудь на стороне“.

(Из „Der Fischerbote“, 1929 № 6).

Случайный, равнодушный взгляд, брошенный в окно, заставляет насторожиться. Припадаю к стеклу.

— Судно! К нам идет судно! Илья Николаевич, скорее сюда!

— Не обязательно, — отвечает Илья из кухни, но все же открывает дверь и быстрым шагом подходит к окну.

— Смотри, Илья Николаич, — тральщик! —

— Да... иностранец. —

— Иностранец? С чего ты взял?

— Поглядите на трубу.

Да, правда, у наших нет такой расцветки. Странно, что ему нужно здесь?

— Идемте на брюгу.

Наскоро набрасываем на плечи ватные куртки, надеваем шапки и бежим вниз, на пристань.

Рыбный траулер! Англичанин! Идет к нам. На траверзе брюги стопорит ход.

Рядом с трубой появляется облачко белого пара: тральщик гудит. Раз, два, три... четыре... пять?... Гм, это не приветствие.

Это тревога!

На корме появляется матрос, сигнализирует флажками.

Но что же случилось, в чем дело? С немым вопросом смотрим друг на друга. Илья... Ах! вот оно что! Уж не та ли это сирена, что послышалась ему ночью?!

Опять нервный, частый гудок.

Неладно что-то. Видно, у них есть какое-то важное дело. Но почему же тогда они не спускают шлюпки?

Раз за разом, быстро друг за другом вырываются гудки. Неистово машет матрос на корме. Люди на борту что-то кричат.

Ясно: мы за чем-то нужны, нас для чего-то зовут.

Надо итти.

Разом беремся за шлюпку и сталкиваем ее на воду.

По всему побережью нет стоянки лучше нашей бухты, но сегодня даже сюда докатывается волна. Ничего, пустяки, мы знаем, как с ней управляться. В шлюпке нас четверо. Мерно погружаются весла в набегающую волну, с шумом выскакивают из воды. Раз, два... раз, два... Быстро приближаемся к борту англичанина.

Пока гребем — думать некогда, все внимание обращено на весла. И все же любопытство не дает покоя: в чем же собственно дело, что за история?

Впрочем — сейчас узнаем. Сильным движением весла ставит наш рулевой лодку вдоль борта судна. Хватаемся за спущенные кранцы. В воздухе мелькает фалень, брошенный со шлюпки: кто-то наверху подхватывает и крепит его.

Теперь нас не снесет. Отпускаем кранцы и смотрим наверх. Через фальшборт перевешиваются фигуры матросов, тянутся руки. Пробуем вступить в разговор, но... как говорить когда никто из нас не знает английского языка,

а на судне все англичане. Но нет — капитан рыболова не англичанин. Широкое, добродушное лицо немецкого бюргера смотрит сверху на нас:

— Do you speak English?

— No...— Sprechen Sie deutsch?

— O, ja!

Прекрасно!

Сильная жилистая рука помогает мне, Лене и Роберту Христиановичу, нашему судовому боцману, взобраться на борт.

— Grosses Unglück — большое несчастье! — сообщает капитан, и просит помочь ему — дать нашу лодку... свою, мол, они разбили на камнях.

Какую лодку? На каких камнях?

— Да там, на острове. Там вчера еще разбился у берега немецкий пароход, тоже траулер. Мы хотели снять людей, но из-за прибоя не было возможности подойти, единственную свою шлюпку разбили на прибрежных рифах. Надо помочь, и поскорее, люди уже скоро сутки как сидят на морозе.

— Идемте в каюту, я вам все расскажу,— добавляет капитан.

Дело серьезное. Надо помочь.

Трое наших садятся снова в шлюпку. Они возвращаются на станцию. Я остаюсь на судне.

Не забудьте взять с собой веревки и носилки, там заливает водой и есть пострадавшие!— кричит вдогонку капитан.

Вот так неожиданность!

Значит, пока мы сидели за обедом и мирно болтали о пустяках, здесь, под нашим боком, люди боролись за спасение своей жизни. Эта борьба не прекратилась, они и посейчас взывают о помощи. Англичанам не удалось спасти их, они призвали нас. Что же сможем сделать мы!?...

Незнакомые люди окружили меня. Ведут в каюту капитана. Никто из нас не знает тех, что остались на берегу пустынного острова. Но все мы хотим принять посильное участие в деле спасения их. Ведь они также моряки, как и матросы на англичанине, как и мы сами, поскольку мы работаем на море. А ведь оно, море, бывает очень сердитым, и если сегодня несчастье постигло каких-то немцев, то завтра оно может обрушиться и на нас. Поэтому эти

люди — не чужие нам. Мы постараемся сделать все ради спасения их.

— Расскажите, капитан, что случилось?

— Please.

— Капитан приглашает спуститься вниз, в свою каюту.

III. АВАРИЯ

> Дело об аварии траулера „Иоганнес Тоде" разбиралось в суде. Согласно сообщению, напечатанному в мартовском номере журнала „Der Fischerbote", капитан признан невиновным. Причинами, вызвавшими аварию, признаны следующие: плохая видимость из-за пурги, свирепствовавший шторм и общие тяжелые условия плавания в Ледовитом океане в зимнее время (*Л. Р.*).

Итак, это был не сон! Илье не показалось: ревела сирена, а не ветер.

Многого капитан не мог рассказать. Он знал лишь то, что видел сам.

Историю гибели „Johannes Thode" мы услышали полусутками позднее из уст самого капитана немецкого корабля. Когда мы слушали его рассказ, казалось, что мы сами были на этом злополучном судне, что мы вместе с остальными матросами терпели аварию, погибали и взывали о помощи. Так казалось. И каким сухим выглядит официальный отчет о гибели траулера, напечатанный в немецком специальном журнале „Der Fischerbote" в № 6 от марта 1929 года!

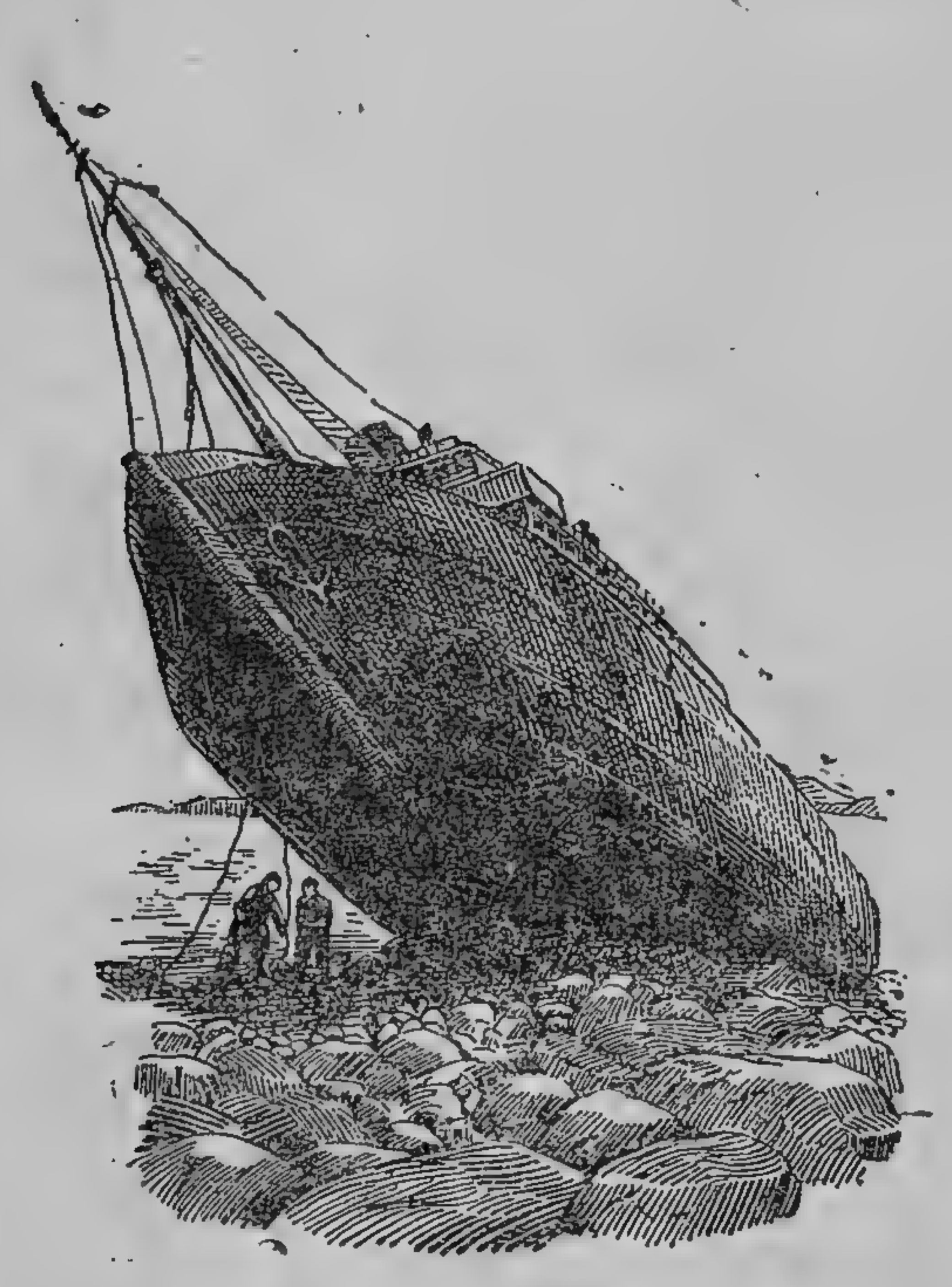
В этом отчете перечисляются факты в том виде, как они со слов потерпевших крушение представляются судебному следователю.

Вот, что говорится в отчете:

. . . .

— „Рыбный траулер „Иоганнес Тоде" покинул 4 января в 11 часов вечера, под руководством капитана Фезе-

фельда, при полном составе команды и во вполне мореходном состоянии, порт Метхил. 13 января в полдень траулер достиг района к северу от Канина Носа. Из-за шторма и сильного мороза не было никакой возможности заниматься ловом. В течение этого и всего следующего дня (до 12 ч. ночи) судно дрейфовало, держа при этом курс WNW. Из-за большого мороза не представлялось возможным выбросить лаг. Ввиду того, что судно очень сильно обледенело, пришлось застопорить машину и лечь в дрейф. Около 9 часов вечера заметили в западном направлении слабый свет вспыхнувшего два или три раза огня маяка-мигалки. В предположении, что свет этот исходит от берегового маяка, судно взяло курс на N, чтобы избежать опасности выскочить на берег. Определить местоположение судна не было возможности, так как в сплошной снежной мятели исчезли огни.

Вдруг судно ударилось со страшным треском. Машину моментально застопорили. Вслед затем установили, что с левого борта около самого судна бьет береговая волна, килем же судно легло на скалистый грунт. Одновременно была замечена большая течь в судне. Стало ясным, что траулер погиб. Зажгли ракеты. При свете сигнальных огней установили, что береговые скалы подходят вплотную к судну.

При сильном крене на правый борт оторвалась шлюпка и сломалась бизань-мачта. Обе полетели за борт. Отскочили прикрепленные к релингам бобинцы. Люди стали освобождать тросы, чтобы с их помощью переправиться

на берег. При этом одним из оторвавшихся бобинцев перебило ногу матросу Брокману.

Вся команда по одиночке спустилась по тросу за борт. Капитан покинул судно последним. Когда через некоторое время судно оказалось на обсушке, капитан отправился с несколькими людьми обратно, чтобы достать одежду и провизию. Они захватили с собой судовую аптечку, чтобы забинтовать ногу Брокману. На берегу отыскали несколько защищенное место, где и оставались до наступления дня. С рассветом подошел английский рыбный траулер „Rudyard Kipling", который заметил этой ночью сигнальные огни и ответил на них. С траулера спустили шлюпку и при помощи буйка пытались передать на берег линь. Однако буек относило прочь от берега, и англичанин ушел с тем, чтобы поискать помощь где-нибудь на стороне."

. . . .

Кто не плавал в это время года по Ледовитому океану, тот не может себе представить, чтó означает буря на море в полярную ночь.

Январский жестокий шторм застиг злополучное судно и обрушился на него со всею свирепостью властелина арктической зимы. Судно и люди не выдержали, шторм сломил железо и волю, бросил на камни судно, а людей швырнул на берег мертвого острова.

Трудно найти достаточно богатые, яркие краски, чтобы дать подлинную картину того, что делается на заброшенном в море корабле в такую погоду.

Представьте себе.... прежде всего представьте себе сплошную черную ночь. Трое суток шторма в полнейшей тьме! Волны заливают судно, превращаясь на двадцатиградусном морозе в глыбы льда. Тяжелые тучи обрушиваются на корабль сплошными зарядами снега, превращающими в ночь даже короткий период полуденной зари. Бессильно бьется судно среди ревущих волн и кренится под напором лютого ветра. Бороться оно больше не может. Пассивно несется корабль по волнам, гонимый свирепым нордостом. Все дальше к югу, все ближе к берегу холодного материка, среди океана, ночи и снега.

Бедные матросы! Может быть, вам приходилось встречать веселых моряков в портовых ресторанах? Здесь вы их не узнаете! Трое суток жестокого шторма отняли у них силы и бодрость, Глаз матроса слеп: тьма и липкий снег лишили его привычной зоркости; слух матроса убит ревом моря, грохотом обрушивающихся на палубу валов и сто-

ном судна; вкус отравлен морской солью; осязание притуплено леденящими порывами ветра. Трое суток без отдыха для сна и еды скалывает матрос намерзающий на палубе лед. В сотый раз поднимается из-за борта темная водяная гора, со стоном опрокидывается на палубу и, рассыпаясь на тысячи брызг, сбегает бурлящими потоками вниз по наклону спардека обратно в море. Но не вся вода уходит в пучину. На ветру и морозе поток стынет, часть его остается на палубе и превращается в лед. Новый поток воды пробегает по льду и остается в виде свежего прозрачного слоя.

Яростно бросается матрос на своего врага, бьет его киркой, сбрасывает в море кусок за куском, но льда все больше, мощность его местами доходит до метра. Все силы уходят на эту сизифову работу. Но колоть и ломать нужно, иначе корабль под новым порывом ветра ляжет на борт, и, не силах поднять намерзшие на палубе, мостике, мачтах и вантах тонны льда, опрокинется и пойдет ко дну.

Пусть проклят будет тот час, когда моряк стал моряком! Больше нет сил. Жив еще только инстинкт, инстинкт самосохранения. Ведь почему-то нужно жить!.. Матрос поднимает мокрое, залепленное снегом, обросшее ледяными сосульками, искаженное от боли и напряжения лицо и снова неистово молотит киркой по обледенелой палубе.

Проходят первые сутки дрейфа. Кончаются вторые. На третьи шторм достигает предельной свирепости.

Люди изнемогли.

Этот день был последним на море.

Не надо больше скалывать лед, не надо больше работать, можно... нет, можно было-бы спокойно лечь, лечь на твердую землю и заснуть, забыть обо всем. Но судьба жестоко посмеялась над несчастными! Отдайся заслуженному отдыху, усни на двадцатиградусном морозе, и кто же тебя станет будить?.. Значит, нельзя спать, нельзя отдыхать, нужно опять что-то делать, ходить, двигаться, а сил больше нет, есть только отчаяние и апатия.

Корабль сел на камни.

Не сразу это случилось. Трое суток дрейфа при восьмидесяти баллах нордоста пригнали судно к нашим берегам.

Нелегко рассмотреть в пургу слабый свет маяка-мигалки, однако вахтенный матрос во-время заметил тускло вспыхивающий огонек и сообщил капитану. Вторая мигалка на острове не горела. Роковое упущение! Крутой поворот на север, прочь от материка, направил судно прямо на ска-

листый берег острова. Крик вахтенного, завидевшего чернеющие перед носом судна утесы, почти совпал с оглушительным треском. Волна хлынула в накренившийся корабль, корма быстро погрузилась в воду. Бизань-мачта с грохотом полетела за борт. В каютах оторвались от палубы столы, от стен отлетели койки. На верхней палубе отскочили тяжелые бобинцы (катыши для трала), отскочили, покатились, по пути сломали ногу матросу, другого подмяли под себя. Нос траулера поднялся высоко вверх, корпус судна под ударами волн стал неистово биться о скалы.

Люди едва удерживаются за ванты, фальшборт или просто за палубу. С трудом удается освободить и перебросить через борт толстый конец. Один за другим сползают люди по нему на береговые камни. Спустился и матрос с перебитой ногой. За ним — капитан.

Все тринадцать живы. Судно брошено.

Присутствие духа механика, сломавшего себе в момент аварии ребро, спасло людей от гибели: несмотря на удар и боль в груди, он не растерялся, бросился к котлам и выпустил пар, чтобы избежать взрыва.

Кое-кто успел захватить свой личный скарб, капитан засунул за пазуху обрывки карт. Взяли немного галет и вина. Кочегар выскочил из машины в чем был: в брюках и куртке, без белья и в ботинках на босу ногу.

Пошли по острову. Нашли углубление в скале и здесь устроили лагерь. Несколько человек полезли вверх по горе и добрались до потухшей мигалки. Сквозь тьму усмотрели огни парохода. Это был уже известный нам английский траулер. Стали жечь ракеты, к мигалке прикрепили белую простыню. Англичанин заметил знаки бедствия. Всю ночь ходил он вокруг, отвечал сиреной, но помощи дать не мог. Лишь около десяти часов утра, когда немного посветлело, судно подошло к берегу. Однако попытка снять с острова пострадавших не увенчалась успехом: шлюпка, шедшая с зводнем [1] к берегу, едва не утонула и вернулась на судно с большой течью.

Тогда английский капитан решил просить помощи у местных жителей. Так произошла наша встреча.

---

[1] Так называется в Белом море волнение. *Примеч. ред.*

IV. У АНГЛИЧАН

„Капитан сообщил о случившейся с германским траулером аварии и просил о помощи".

(Из отчета об экспедиции).

Тепло и уютно в каюте капитана.

Помещение небольшое. Посредине — порядочный столик, рядом — диван, обитый кожей, справа — высокая койка, задернутая темным пологом. Отделанные под дуб стены

почти без украшений, только фотография висит одиноко, напоминая о покинутом доме. Под бронзовым бра висит громкоговоритель. В железных кольцах, под самым потолком, прикреплены рулоны карт.

На свежеотлакированном столе круглая железная коробка с сигаретами и другая — с табаком.

Все просто, ничего лишнего. Разве только шкафчик, что висит на стене около трапа. Резьба на дверцах его немножко не гармонирует со строгой обстановкой каюты.

К этому шкафчику подходит хозяин. Молча открывает дверцы. На столе появляются пузатый графинчик и три рюмки. Молча наливает Captain, пододвигает рюмки мне и старшему штурману и берет свою. На короткий момент он улыбается, как гостеприимный хозяин, затем лицо его принимает прежнее серьезное выражение. Залпом выпивает он, ставит рюмку, пододвигает в нашу сторону коробку с сигаретами и закуривает сам.

Наши рюмки тоже пусты. Старший штурман, согласно морскому обычаю, закуривает сначала сам, потом дает закурить мне.

Сверху, из-под потолка, капитан вытаскивает карту, расстилает ее на столе, ставит на край папиросницу, чтобы углы не топорщились, и начинает свой рассказ. Молча слушаю я его, слежу за толстым пальцем, которым водит капитан по карте. Я слушаю историю встречи англичанина с немецким тральщиком, севшим на камни. Под впечатлением слов капитана я рисую себе картину аварии, но мне некогда разбираться в подробностях, я стараюсь уловить только главное, то, что важно нам будет знать и помнить, когда мы пойдем искать этих людей.

От рассказа капитан переходит к плану спасения. Он очень сожалеет, но просит понять, что нет никакой возможности вести корабль в такую погоду по узкому проливу с незнакомым фарватером. Рисковать судном он не может. Он берется подвести корабль к противоположному берегу острова. Там надо будет высадиться и оттуда сделать попытку пройти пешком к месту кораблекрушения. Рассматриваем карту. Видно, они там, в глубине „Обманной бухты", где нибудь по ту сторону проливчика.

— Да, так будет лучше всего, пойдем пешком, — решаем мы.

Решение принято, остается закурить еще одну сигарету. Говорить больше не о чем, каждый думает про себя. Вдруг приходит на ум: какое, однако, неприятное название у этой бухты! Не даром видно...

Наше молчание прерывается шумом, доносящимся спалубы. Слышны оживленная речь, стук сапог, скрип талей и отдельные выкрики матросов. Мы настораживаемся. Старший штурман бросается к трапу, ведущему наверх, на палубу. Оттуда доносятся смех и голоса, приближающиеся к нам. Среди них я различаю знакомый голос Лени. Наклонившись над трапом, он громко и весело называет меня по имени. Я отвечаю, и он спускается в каюту.

Шлюпка, на которой пришел Леня, уже поднята на борт: выгружены легкие нарты и веревки. Вахтенный штурман дает гудок к отходу.

Итак, нас двое на иностранном судне.

Выбирают якорь. Малым ходом начинаем удаляться. Капитан и мы с Леней стоим на мостике. Спокойно смотрим мы на оставшихся на берегу. Как полагается, на прощание машем шапками. Впрочем... через несколько часов будем обратно, — думалось нам тогда. Мы не подозревали, во что обойдутся эти часы...

До острова недалеко. Минут двадцать, и мы уже плывем вдоль него, отыскивая место, удобное для высадки. Остановились, бросили якорь. Буруны у берега в этом месте как-будто меньше: отсюда, с судна, они даже кажутся совсем маленькими.

Готовимся к походу. Леня готов, он еще на станции нарядился в теплое. Мне приходится пополнить свой костюм любезно предоставленной капитаном парой толстых свитеров, поверх которых я напяливаю третий, тонкий, свой собственный. На мне грубые ватные брюки, которые я с трудом запихиваю в высокие резиновые сапоги. На головах у Лени и у меня шапки с наушниками, подвязанными под подбородком; шеи укутаны шарфами.

Спускаем нашу шлюпку. Кроме нас двоих идут добровольцами трое англичан. Грузим нарты и веревки и садимся сами. Отваливаем под крики оставшихся на борту, желающих нам успеха.

— All right! —

V. СКВОЗЬ ПУРГУ

„... наступившая темнота, сплошные заряды снега и сильный ветер затрудняли ориентировку в незнакомой местности. Мороз был — 20°С“.
(Из отчета об экспедиции).

Чем ближе к берегу, тем круче волна. Высоко вверх подымает шлюпку набегающий вал, глубоко внизу оказываемся мы моментом позже. Внезапно перед самым носом шлюпки вырастает острый гранитный пик, преображается в многометровую скалу, также неожиданно опускается и тонет в пучине. Что есть сил отгребаем прочь от широкого пятна белой пены, — нам не по сердцу близкое знакомство

с рифом. Гребем обратно, потом идем вдоль берега в поисках тихой воды. То справа, то слева появляются кружки пены, — мы мечемся из стороны в сторону, взводень играет нами.

— Здесь, как будто, можно, — решаем мы, снова лавируем среди скал и камней, и вот уже близко берег. Сильный толчок. Мы спешно спрыгиваем в воду, хватаемся за уступы обледенелых скал и подтаскиваем за собой нашу шлюпку. Маневр удался, следующая волна ударила в камни и рассыпалась уже под килем лодки.

По льду, толстым слоем намерзшему на прибрежных скалах и длинными сталактитами сбегающему с уступов к воде, подымаем мы лодку, чтобы уберечь ее от взводня. Мы знаем, что скоро наступит прилив и первой хорошей волной смоет шлюпку, бросит в пучину, а потом разобьет об эти же камни. Шлюпка наша не ушла от своей судьбы, щепки от бортов ее мы находили много времени спустя на побережье. Руль выбросило волной невдалеке от станции. Но сейчас она нужна нам, нужно беречь ее.

Выбрались высоко, но прилив еще выше, а дальше итти некуда, — со всех сторон почти отвесные скалы. Новое затруднение. Ничего не поделаешь, шлюпку приходится оставить здесь. Заносим толстый фалень, крепим за скалы и заваливаем камнями. Но это ненадежно. Впрочем, нет иного выхода — кому-либо из нас нужно будет остаться сторожить лодку. Один из англичан соглашается. Навряд ли согласился бы он, если бы знал тогда, сколько времени придется ему ожидать на лютом морозе нашего возвращения.

Круто обрывается гора над прибрежными скалами. Склон покрыт льдом и плотным снегом, только местами торчат острые гранитные ребра. На руках и ногах шаг за шагом, дюйм за дюймом, цепляясь за малейшие неровности почвы, взбираемся выше и выше по склону. Особенно мешают нам нарты. Уже сейчас кажется, что придется их бросить.

Все-таки в конце концов мы наверху. Двое англичан и Леня идут с санями, я иду один выбирать дорогу. Доходим до следующей вершины. Отсюда виден еще траулер. Он — там, глубоко внизу. Уже зажжены судовые огни. Они еще немного мутные, сумерки лишают их яркости. Скоро они разгорятся сильным и резким светом, но мы уже не увидим их, будем далеко. В последний раз бросаем взгляд вниз на огни. Один светляк вдруг потух, потом опять загорелся, за ним второй и третий. Это человек прошел

вдоль борта. Мы уходим в сторону быстро надвигающейся тьмы.

На вершине холма оставляем горящий фонарь. Прочь от траулера, от пролива, наискось через остров держим свой курс. Идем пока быстро.

У высоких холмов пологие склоны. Итти было бы легко, если бы не непогода и снег, залегающий в широких долинах сплошной рыхлой массой. Здесь мы тонем в нем по пояс, даже по грудь. Мешает ветер и пурга. Полная темнота застигает нас на полпути к противоположному берегу острова.

Поминутно оглядываюсь назад. Группа, идущая с нартами, начинает отставать. Постепенно рельеф местности меняется, круче становятся склоны, чаще встречаются глубокие ущелья. С трудом различаю я черные точки на белом фоне снега, — это идут те трое, идут по моим следам. Затем все заволакивается тьмой, гибнет в вихре снежинок, разделившем нас и поглотившем следы наши. Исчез горизонт, пропали белые холмы; сквозь прищуренные веки едва различаю белое поле под ногами, белую стену впереди и темный свод над головой. Пурга хлещет в лицо, снег слепит и без того ничего невидящие глаза. Так проходит час, другой...

В кармане у меня всегда лежит маленький компасик. Я знаю, что нужно итти на восток. Время от времени я сажусь в снег, спиной к ветру, подношу компас к самому глазу. Потом иду дальше. Вверх, вниз... опять вверх, опять вниз. Держусь северного берега. Ведь там, внизу, где-то у прибрежных камней, должен быть корабль, должны быть люди. Оттуда доносится грохот прибоя. Черная полоса по левую руку — бушующий океан. Белые пятна на этом фоне — пена волн, разбитых и опрокинутых прибрежными скалами. Каждый риф, чернеющий внизу, представляется возбужденному воображению остовом парохода. Воображение обманывает, риф и пена, окружающая его со всех сторон широким кольцом, исчезают за новой лавиной снега, новый порыв ветра заглушает шум прибоя. Дальше, вперед! Они должны быть там. Вдоль берега, через холмы лежит мой путь. При каждом подъеме я кричу монотонно: а, а... а, а.., аа! — Отвечает ветер — у, у... у, у... у, у...

Мною овладевает сомнение. Не прошел ли я мимо? Может быть, никого уже нет в живых... — И все-таки надо итти вперед. Этого требует мой маленький компасик, подаренный отцом, когда мне было десять лет. Ведь остров

не кончился, путь на восток свободен, только дорога плохая.

Иду дальше. Жарко, несмотря на ветер и мороз. Вверх, вниз, с горы на гору. Белый покров под грудью, черное небо вверху, кругом ветер, насыщенный до отказа снежной пылью. Иногда чудится, что впереди склон, прыгаешь вниз и падаешь лицом в стену снега; иногда идешь спокойно вперед и вдруг оказываешься где-то внизу. Подходишь к берегу, чтобы рассмотреть во тьме то, что рисуется остовом погибшего корабля, и останавливаешься в полушаге от отвесного обрыва к морю.

Мучит мысль о тщетности поисков. Мучит сознание, что тем троим, обремененным грузом, никогда не пройти этого пути.

Время идет. Медленно, шаг за шагом продвигаюсь вперед. Кляну холмы, тянущиеся непрерывной цепью, кляну остров, который никак не хочет кончиться. Но нет! Этот холм последний. Дальше — пологий спуск, ведущий к низине. За нею — черная лента воды. Этот вид, открывшийся в интервале между двумя зарядами снега, заставляет надеяться, заставляет ускорить шаг.

И вот: море! Я пришел к морю.,. Значит, конец острова, я их не нашел, прошел мимо!.. или их самих уже нет, они погибли?..

Что делать? Куда теперь итти? Обратно? Малодушно пугаюсь пройденного пути. Эх! Хоть бы немножко света. Тогда бы я не ошибся. Но нет! не может быть... Собираю все внимание, стараюсь вспомнить план острова. Да, беглого взгляда, брошенного на карту, оказалось недостаточно: сохранилось только общее впечатление, но... но все-таки помнится, что к востоку от острова как-будто есть еще островок поменьше. Ну да, конечно, и... и он связан с большим, там должен быть такой узкий перешеек, там, южнее где-то. И вот я вспоминаю, что ведь никакого перешейка я не проходил!

Островок должен быть дальше на восток, там, где сейчас видно только море. Подбегаю к самому берегу. Долго всматриваюсь в темноту, и вдруг в промежутке между двумя зарядами снега перед утомленным взором вырастают контуры высоких скал,—ясно видны белеющие у подножия их буруны. Остров! Видение пропадает за снеговым занавесом.

И все-таки это остров, а там дальше к югу должен быть перешеек! Что есть мочи бегу туда. Сначала вдоль берега, потом опять карабкаюсь через холмы.

Третий час на исходе.

VI. ЛЮДИ!

„... и в ответ на крик услышал голоса людей...“

(Из отчета об экспедиции).

„... поздним вечером 16 января пришел со стороны берега один русский, говоривший по-немецки, который сообщил потерпевшим крушение, что в пути находятся сани, высланные им на помощь“.

(Из „Der Fischerbote“, 1929 № 6).

Берег опять уходит к востоку. Все ниже и ниже становятся холмы, впереди открывается черная полоса, за которой снова белеет снег. Быстро спускаюсь вниз. Ура! это и есть перешеек. Черные огромные валуны, круглые и обточенные водой, напоминают о недавно схлынувшей с перешейка волне. Сейчас здесь сухо, видно отлив.

Взбираюсь на большие, перепрыгиваю через мелкие камни, спешу, и вот я опять среди снегов.

Несколько минут — и я на вершине маленького холмика. По привычке кричу свое — а, а! и тут же, будто эхо: а, а! а, а! а, а!!! — хор далеких голосов.

Они! Нет, это галлюцинация! Я повторяю свой зов. Живое эхо вторит ему. Это — люди!

Когда я взбирался на вершину какого-нибудь холма, я кричал. Я спрашивал:

— Где вы? —

И вот они ответили:

— Мы здесь!

Ответили? Нет, это не был ответ. Это было чисто рефлективное движение, вылившееся в форме крика, вырвавшегося одновременно из тринадцати глоток. Потом... да, потом этот уже была перекличка.

С тех пор прошло много времени, но часто бывает, что, отдавшись воспоминаниям, я вдруг неожиданно слышу этот крик, спохватываюсь и узнаю его: да, это было тогда, там, ночью... на тех круглых камнях... Звено за звеном всплывают в памяти остальные эпизоды.

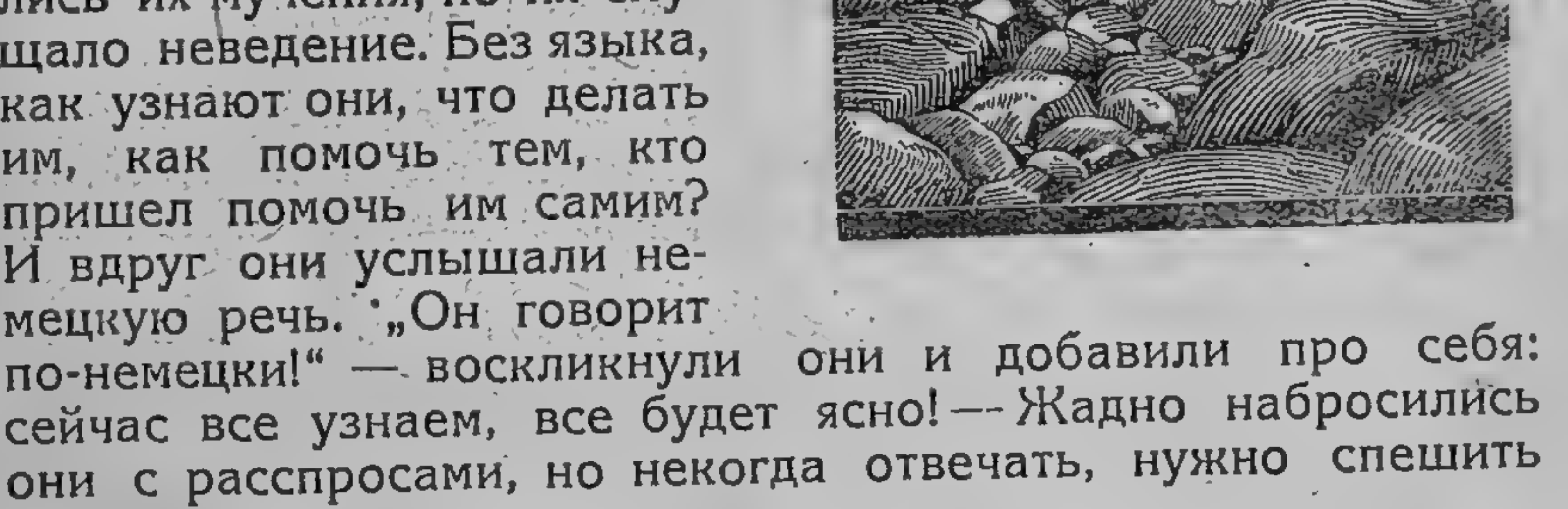
Бегом спустился я с холма. Во тьме, рядом со мной, вдруг открылась мрачная громада выброшенного на камни парохода. Высоко поднялся нос. Корма глубоко внизу,

в воде. В темноте корабль кажется горой. Он чернее неба. Резко выступает острый форштевень, борта уходят куда-то вдаль, сливаясь с фоном. Погибший корабль... в этом диком окружении он ошеломляет отчаянной неподвижностью своей; становится не по себе, жутко... Скорей мимо него!

Опять иду по круглым валунам второго, такого же как первый перешейка, иду навстречу крикам.

В протяжном заунывном зове этих людей я уже отличаю отдельные голоса! Мы перекликаемся будто в лесу.

И вот — это уже не камни. Их двое. Мы увидели друг друга. Я обратился к ним на их родном языке. Что я им сказал, не помню, но ответ их твердо запечатлелся в моей памяти:

— Gott! Er spricht deutsch!

Легко представить себе, какие чувства волновали этих людей, когда они шли мне навстречу. Они понимали, что идет помощь, что это ради них пришли люди, что это их зовут. Им казалось наверное, что кончились их мучения, но их смущало неведение. Без языка, как узнают они, что делать им, как помочь тем, кто пришел помочь им самим? И вдруг они услышали немецкую речь. „Он говорит по-немецки!“ — воскликнули они и добавили про себя: сейчас все узнаем, все будет ясно! — Жадно набросились они с расспросами, но некогда отвечать, нужно спешить к остальным.

Второй перешеек оказался много шире первого. В конце его — дикое нагромождение камней.

Под навесом одной из скал укрылись люди. Они шагах в десяти от нас. Мы уже различаем их темные фигуры. Но нужно подойти вплотную, чтобы рассмотреть их лица.

Люди, обступившие меня, имеют необычный, дикий вид. По очереди отыскиваю их во тьме, заглядываю в глаза. Нет, лиц не видно. Я вижу только фигуры, одну нелепее другой. Вот один из матросов: всё, что можно было натянуть на замерзшее тело, напялено одно поверх другого. На осеннее пальто наброшен прорезиненный плащ, шея закутана чем-то белым, плечи и голову в фуражке прикрывает темный платок. Из-под козырька торчит только нос. Рот и щеки закутаны тем же платком.

Эти люди так похожи друг на друга! Похожи мрачной нелепостью своего костюма. Вот машинист в шляпе, с поднятым воротником и какой-то сеткой на плечах, разве он не под пару тому матросу? Все одинаковы.

Перебивая друг друга, спешат эти люди спросить, разузнать и рассказать о себе. Потом тянут за рукав в сторону.

— Kapitän — капитан! — слышу я.

Думая, что меня сочли за капитана английского траулера, я отшучиваюсь:

— Нет, нет, я не капитан, капитан здесь не при чем! —

Я шучу, но мне страшно при виде этих людей. Да... я начинаю понимать, в каком состоянии они находятся. Действительность оказывается красноречивее и, несмотря на окружающую тьму, ярче, чем все, что думалось на пути сюда.

Пододвигается фигура, ничем не отличающаяся от других — тот же мрачный маскарад. Это капитан.

Минутный подъем духа, сказавшийся в оживлении, вызванном моим приходом, сменился резким упадком сил этих людей. Они замолчали, некоторые тут же сели, другие отошли в сторону, только двое-трое жадно слушают мой разговор с капитаном.

Это — реакция. Скорость, с которой она наступила, свидетельствует о сверхестественном утомлении несчастных. Первые мои слова по приходе сюда были о скором прибытии помощи. Тогда я не терял еще надежды, что тем троим удастся как-нибудь пробиться. Даже это радостное по существу известие лишило моряков сил.

Капитан отвел меня к скале. Откуда-то достал бутылку коньяку и предложил мне подкрепиться. Потом он вытащил из кармана а, может быть и из-за пазухи помятый клочок бумаги. При свете спички мы рассмотрели карту. Моему сообщению, что мы находимся на Большом Оленьем острове,

в районе губы Порчниха, капитан не хотел верить. Он думал, что выскочил на камни далеко к востоку, где-нибудь в районе Семи островов. Обманула проклятая мигалка, потухла не во-время и во-время не была зажжена.

Устало кивал капитан головой, глядя на карту.

Бедные люди! Они смертельно истомились, замерзли, но еще держатся на ногах. Каково же их товарищу, который лежит там, в снегу! Меня провели к раненому. Как я позже убедился, это был человек исключительной выдержки.

Но сейчас он лежит тяжело дыша и не может подавить стонов при малейшем движении. И немудрено: обе кости в правой ноге сломаны пополам, положена перевязка на скорую руку.

VII. НА ПЕРЕВАЛЕ

„... шли около часу. Переход сильно тормозила переноска раненого, которого несли пять человек, из которых четверо были изнурены продолжительной бессонницей“.

(Из отчета об экспедиции).

Ветер не унимается. Хлещет пурга. Тело, разгоряченное долгой ходьбой, пронизывает острый холод. Насквозь мокрый от растаявшего снега и пота, я чувствую, как каждый порыв ветра охватывает меня сплошным ледяным компрессом. Надо итти.

Да, нужно немедленно собираться в обратный путь, чтобы успеть перебраться по ту сторону перешейка раньше, чем прибудет вода.

Сборы недолгие. Спрашивают, далеко ли?

— Нет, здесь недалеко...

Предлагают бросить все лишнее, т. е. все, что удалось спасти после аварии, начиная от личного скарба и кончая продовольствием и аптечкой.

— Нет, зачем, сделать это никогда не будет поздно!

Люди берут лежащие в снегу узелки.

Тронулись.

Капитан прочувствованно обращается ко мне, говорит много и кончает заявлением, что все оставшееся на судне: личные вещи, аппаратура, книги, какой-то замечательный хронометр, секстаны, экспедиционное снаряжение, костюмы,

белье и многое, чего сейчас и не припомнить, все это мы должны считать нашим. Один за другим матросы наперебой перечисляют, что ими оставлено на брошенном корабле. Какая чепуха! Не время думать об этом. Глупо обижаться, поэтому отнекиваюсь, отмалчиваюсь и ухожу вперед. Конечно, они искренно рады отдать все это, оно им ведь все равно больше не нужно, спасение жизни во сто раз важнее, и вещи, естественно, теряют при этом всякую ценность. Все-таки с некоторым чувством неловкости я удаляюсь вперед.

— Капитан, сошедший с корабля, покинувший свой корабль, теряет все права на него и на все, что на нем находится... — слышу я за собой слова капитана, слова, взятые из мореходного устава, из главы „Кораблекрушение".

Бедный капитан! Он не виноват, но не легко у него сейчас на душе...

Со мной два-три человека. Опять мы среди знакомых валунов. Метет пурга. Идем сильно наклонившись: так легче. Оборачиваемся назад — никого не видно.

— Hallo! — кричим мы.

— Hallo... — о... — отвечают нам.

Идем дальше. Мои спутники еле переставляют ноги. Останавливаемся, чтобы передохнуть и дождаться остальных.

Hallo!

Ответа нет.

Отдыхаем, ждем.

Hallo!

Что-то не ладно. Возвращаюсь обратно.

За время, пока мы прошли половину перешейка, они сделали всего десяток-другой шагов. Четыре человека волокут на плаще раненого. Пятый с ногами, помятыми тем же злополучным бобинцем, ковыляет сзади, еле поспевая за группой носильщиков. Рядом плетется механик со сломанным ребром; на плечах у него демисезонное пальто, фетровая шляпа на голове.

— Нет! Так итти невозможно! Мы никуда не уйдем, зачем мы ушли оттуда...

Что делать...

— Идемте, здесь близко, нельзя оставаться, — увещеваю их и впрягаюсь вместе с еще одним матросом в носилки.

Каждый шаг приходится брать с бою. Люди без сил, а нужно нести тело на уровне плеч, чтобы не ушибить

раненого о камни. При каждом случайном ударе несчастный глухо стонет. Надо впрочем признаться, что под конец пути мы уже просто волокли его...

Некоторая усталось чувствовалась уже теперь, но только почти через сутки пришлось действительно испытать, что значит быть в таком состоянии, в каком эти люди находятся сейчас. Состояние это вызвано совершенным перенапряжением физических и моральных сил. Они пока есть еще, эти силы, они пока действуют, но как лопается туго натянутая струна, если во-время не ослабить натяжения, так и от человеческих сил не остается ничего, если напряжение достигает ненормального предела и при том длительно. Тогда начинается апатия, полное безразличие ко всему окружающему и к собственной судьбе. Эти люди еще борются. На смену охватившему безразличию появляется судорожная воля к жизни. Злая непогода сулит человеку гибель, она же зовет его к борьбе за сохранение этой жизни. Она подстегивает ветром, режет морозом усталое, измученное тело. Застывающая кровь ударяет с силой по сердечному клапану: тело поднимается, человек срывается, снова бежит на борьбу со стихией. Но все чаще подъем духа сменяется апатией, все реже и слабее он, все дольше длится состояние безразличия, переходящее в полное забытье.

Они борются, эти люди, честно борются... Как сильные духом, так и слабые.

Слабые есть везде и всюду. Да... там я видел, как велико бывает подчас расхождение между физической крепостью и моральной силой человека. Я видел слабых, беспомощных здоровяков и людей, слабых телом, но сильных духом. Эти сильные духом люди, и только они, могут служить опорой для физической силы других, на них возлагает неписанный закон ответственность и за моральное состояние массы. Так было и здесь. Честь капитану! Несмотря на минутные слабости, он все же сумел не уронить своего почетного звания.

Страшно сказать: пять человек еле тащат одного! Каждые три шага — отдых. Кажется диким, невероятным. Но так было. Эти сотни две саженей шли мы — час. Добравшись до бугра, остановились.

Трудно разобрать дорогу в такую погоду в полной темноте.

Однако, помнится, что впереди должен быть еще перешеек, и я отправляюсь один осмотреть его. Спустившись

вниз, я в ужасе вижу, что там, где два часа тому назад была суша, бурлит и клокочет вода. Приливная волна заливает перешеек. Стремглав бросаюсь я обратно подымать на ноги людей. Они уже расположились на снегу, бо̀льшая часть лежит, иные сидят, понурив головы.

— Вставайте, нужно еще немножко пройти!

— Нет, не пойдем... не можем...

— Нужно!

Капитан привстал:

— Мои люди не могут больше итти.

Как быть...

— Хорошо же! Знайте, что если мы не пойдем сейчас же дальше, если не доберемся до главного острова, то раньше чем через 6—8 часов—когда схлынет вода—нам нечего ждать помощи! Те люди, что идут с санями, увидят, что дальше итти некуда и повернут обратно... Выбирайте сами!.. Этот перешеек совсем маленький... Ну, что же, пойдем?

О том, что перешеек заливает вода, я молчу.

Двое шелохнулись. Встал капитан. Отдает приказание: Aufstehen! Подыматься!

Еще десяток минут—и было бы поздно. Вода быстро прибывает: потоком идет она из Обманной бухты, скатываясь в пролив. По колено в воде бредем мы, черпая голенищами студеную влагу. Мокрые, усталые, поминутно спотыкаясь и падая, тащим мы через камни наш живой груз. Наконец, перешеек пройден. Взбираемся на крайний восточный бугор центральной части острова. Ищем защищенного места. Нам посчастливилось: нашли глубокую расщелину в скале, куда ветер почти не проникает. Здесь устроили лагерь.

Люди расположились на снегу, будто на зеленой траве. Матроса со сломанной ногой бережно положили под гранитный навес.

Итак, первый этап пройден.

— Эх! Еслиб знал я, что с нашими друзьями! Еслиб знал я тогда, что они далеко, что нечего ждать помощи. Я все еще надеялся, что они бросят сани, пойдут за мной, придут сюда. Они сделали все возможное, но...

Какой жалкий вид у нашего лагеря!

Я смотрю на них, на этих людей...

— Нет!—отвечаю я своим мыслям,—они больше не могут итти.

И решение является само собой.

— Пусть один из вас пойдет со мной, пусть остальные не покидают лагеря, пусть те, что покрепче, поднимутся на ближайшие холмы и следят за нашим возвращением или за теми людьми, искать которых мы отправляемся. Пусть следят зорко, время от времени давая знать о себе криком, пусть все без исключения остаются на ногах, чтобы не замерзнуть окончательно!

VIII. ОПЯТЬ В ПУТИ

„... постоянные остановки, вызываемые бессилием капитана, сильно замедляли скорость передвижения: конечности идущих стали коченеть...“

(Из отчета об экспедиции).

— Я пойду с вами—сказал молодой юнга.

Прав был по существу капитан, не решившийся доверить мальчику ответственного перехода:

Нет, ты останешся, пойду я сам.

Это решение стоило мальчику жизни...

Вот с этим мальчиком, тогда еще бодрым, я встретился снова через сутки. Он лежал мертвый, под навесом, на борту советского военного судна. Поднят он был на острове в последней стадии обморожения. Жуткая смерть, нелепая, бессмысленная...

А я стоял тогда перед прикрытым простыней трупом и мучительно думал. Я думал о себе, я спрашивал себя—не ты ли виновник гибели этой молодой жизни? Почему ты не позвал всех — идите все, кто может, со мной, пусть остаются только те, кто не в силах! Мальчик пошел бы с нами и, может быть, нет — наверное, был бы спасен. Не ты ли виноват в этом жутком конце? Может быть, не знаю, не знаю и по сие время....

Может быть, то была ошибка. Может быть, я должен был... Надежда, проклятая, неразумная надежда на встречу — она меня подвела! Надежда — и сознание, что путь до тральщика далек, что не под силу он этим усталым... А потом я ставил себе иной вопрос: я спрашивал себя, имел ли я право тащить всех за собой, рискуя по дороге

растерять людей? А что было бы, если бы мы встретили Леню и англичан? Ведь нам пришлось бы возвращаться всем обратно, к лагерю, за раненым. И, наконец, кто мог предполагать, что пройдет еще целых 12 часов, прежде чем мы увидимся снова с людьми, оставленными там в расщелине скалы!

Мы пошли.

Опять тот же путь вдоль северного берега острова, та же пурга и ночь. Только тогда я шел один, а сейчас со мной капитан погибшего судна.

Пока шагаем бодро. Но скоро — остановка, капитан больше не может. То, чего я, свежий человек, достигаю нормальным напряжением сил и воли, дается ему сверхестественным перенапряжением нервов. Но он бодрится. Идем вперед, держимся берега. Всматриваемся во тьму, кричим, внимательно разглядываем снег в надежде найти следы полозьев. Но впереди ничего не видно, ответа нет, любой след моментально замела бы мятель.

Время идет. Становится ясным, что тем троим с санями не удалось пробиться или они сбились с пути. Тогда поворачиваем вглубь острова, в ту сторону, где должен стоять англичанин. Не видно больше темной полосы воды по правую руку, не слышно прибоя, кругом только белые горы и завывание ветра.

Чувствуется некоторая усталость. Чем дальше, тем чаще вынужденные остановки.

— Скоро траулер?—

— Д... да, — отвечаю я — скоро...

— Вот за той горой? —

— Нет, еще там дальше...

В памяти встает мой трехчасовой поход, напряженный темп, на который мы сейчас неспособны, но сказать, что далеко, что не скоро еще — нельзя! Гора сменяется горой, за холмом открывается другой. Капитан изнемогает. Перед каждым новым подъемом он справляется, не последний ли это?

— Нет!

— А вон та гора — последняя?

— Нет еще, нет!..

Что за чорт! Ведь я же не знаю, я не считал их, я первый раз на этом проклятом острове!.. единственное, что я знаю, это то, что еще долго итти...

Опять остановка. Капитан сел в снег.

— Не нужно сидеть. Идем!

— Ах, еслиб моя мать знала, что со мной случилось, где я сейчас... Junge! Junge! Junge! — вдруг вскрикивает он, и с остервенением бросается снова вперед.

Мальчишка, мальчик... к кому это относилось? К нему ли самому, или, может быть, он вспомнил своих детей?.. Ползем дальше.

— Junge, Junge, Junge...... — то шопотом, то вполголоса, то почти криком доносится до меня.

Взобрались на вершину очередного холма. И вдруг прямо по нашему курсу, далеко за горами, появляется слабый белый свет. На наших глазах он быстро разгорается, легко раздвигает черную ткань небес и застывает светлым пятном. Феерическая картина! Яркий полукруг чисто-белого света, льющегося как-бы из-под земли, сияет над молочно-белыми холмами; миллионы снежинок проносятся между нашим взором и горизонтом, вспыхивая мягким, серебряным блеском в потоке волшебного сияния.

Сердце усиленно бьется, пока мозг работает над разгадкой происхождения этого необыкновенного света.

Это — фальшфейер! Это они, люди с тральщика, может быть — Леня с англичанами! Они жгут огни, чтобы дать знать о себе — сюда, мол, идите! Ободренные, прибавляем шагу. Понемногу свет меркнет и вдруг гаснет. Через полчаса вспыхивает второй огонь, но где-то левее и, видимо, очень далеко внизу. Гаснет и он. Ночь кажется еще чернее.

Шаг за шагом двигаемся вперед. Опять ничего, кроме снега. Капитан совсем выбился из сил. Он ложится и закрывает глаза. Что делать? Нести? — Сил не хватит?.. Подхожу к нему вплотную. Он молодой еще человек, лет тридцати с небольшим, кажется стариком. Хватаюсь за последнее средство. Уже не в первый раз я чувствую необходимость пустить его в ход, особенно сильно это желание в минуты, когда мы останавливаемся и молча смотрим друг на друга. Эти задержки сильно пугают. Достаточно двух-трех минут, чтобы горячее тело остыло, его прохватывает ветер, чувствуется озноб, конечности начинают мерзнуть. Я понимаю, что эти остановки могут нас погубить, что нужно во что бы то ни стало итти, итти и итти. До сих пор я молчал, настал момент сказать! Но к речи я не готовился, говорю то, что приходит на ум. Говорю о высокой чести капитанского звания, об ответственности

этого поста, о трудности создавшегося положения и о надежде, которую возложили на него...

— ... на вас, капитан, ваши подчиненные, оставшиеся там, в расщелине скалы, на ветру и морозе...

Он срывается с места и мы опять идем вперед. Вверх, в гору, по пояс в снегу, еле-еле ползем; с горы вниз дело идет немного лучше. Попадаем на крутой спуск. Чем дальше, тем отвеснее склон. Спускаемся рядом, шагах в десяти друг от друга. Кругом, впереди и позади, направо и налево—все бело. Гора кончается обрывом, но мы не видим этого. Снег под нами приходит в движение, лавиной бежит он вместе с нами по откосу, потом мы летим куда-то вниз. Забавный полет, но нам не смешно, хоть все и обходится благополучно. Только на руке немного крови, да снег нам по шею.

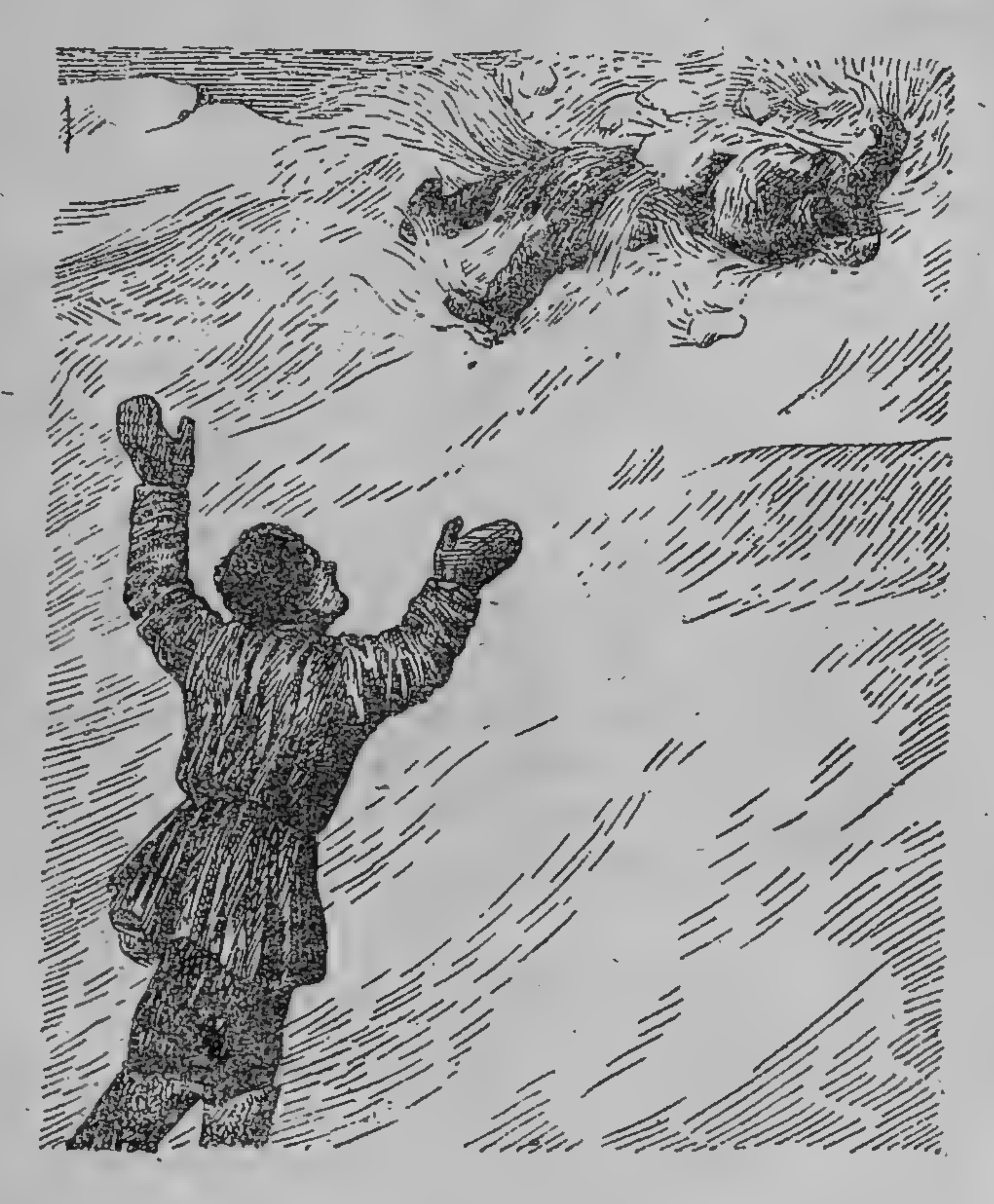
За обрывом открывается широкая долина. Пересекаем ее наискось, и вот по левую руку открывается темная полоса. Это море, пролив. Но судна не видно еще.

Идем дальше, опять в гору. Капитан жалуется на окоченевшие ноги, он близок к отчаянию. По пути к берегу я ухожу несколько вперед в надежде за недалеким мысом обнаружить пароход. Капитан отстал. Оборачиваюсь: он еще на вершине горы. Жду. Опять смотрю наверх — человек исчез, я вижу только лавину снега, сползающую по склону, а в ней что-то черное. Широко расставив руки и ноги, грузно переваливаясь с боку на бок, летит несчастный вниз. Он не упал, он просто не может больше итти. Изобретенному им способу спуска капитан остался верен до конца...

— Зачем я пошел с вами, надо было мне остаться там, с ними! — показывает он рукой туда, откуда мы пришли.

Еще несколько перевалов. Еще один — и перед нашими глазами, глубоко внизу, яркие судовые огни.

Южный склон острова особенно крут. Спуск здесь труден и опасен. Мои увещевания не помогают, капитан бросается на бок и в вихре снега скатывается вниз. Еще полчаса хода и мы замечаем свет фонаря на берегу. Кричу

что есть мочи. Сквозь шум ветра и прибоя слышен голос это отвечают люди с траулера.

Еще последние полчаса и мы у фонаря. Закоченевший, усталый, я хватаюсь за фонарь и начинаю неистово размахивать им. Фонарь тухнет. Подходит капитан, садится в изнеможении на камни.

С шумом разбиваютси волны о прибрежные скалы. Но вот привычным слухом улавливаем мы другой, слабый ритмический всплеск. Это шлюпка. Слышны голоса.

— Здесь, сюда! — зовем мы.

Шлюпка у берега. Меня называют по имени.

— Леня — кричу я и бросаюсь в шлюпку. Принимаем капитана. Леня в диком восторге, он считал меня погибшим. Жмем друг другу руки.

Матросы отталкивают шлюпку от берега. Набежавшим взводнем захлестывает корму. Ничего, на судне обсушимся и согреемся!

IX. ПЕРЕДЫШКА

„...команда траулера отнеслась к прибывшим с большим вниманием...“
(Из отчета об эспедиции).

Ловко гребут матросы. Несколько коротких мгновений, и мы у борта судна. Капитана и меня на руках вытаскивают наверх. Вся команда столпилась на палубе. Стоит гам от голосов.

Мы стоим на твердой палубе. Как-то странно все это! Кажется, что люди не здесь, рядом, а где-то далеко, далеко... Судовые огни тоже кажутся какими-то бледными, неясными. Но это только кажется. Матросы окружили нас тесным кольцом, динамо работает исправно. Люди громко и много говорят о чем-то, почему-то берут нас за руки, потом подхватывают под мышки и куда-то уводят.

Немецкого капитана я теряю из вида.

Оглядываюсь кругом, вижу котлы и кастрюли — меня привели в камбуз. Здесь с меня стаскивают сапоги, снимают одежду. Толстые, ватные брюки превратились в ледяную корку, сапоги полны воды.

От резкой перемены температуры в ногах ощущается острая томящая боль.

Молодой кок, с круглыми роговыми очками на носу и замечательно милым лицом, оттирает мне руки и ноги. У входа в камбуз толпятся матросы. Все они что-то говорят, но понять друг друга нам никак не удается, Берут за руку, говорят должно быть что-то веселое и хорошее. Смеемся. Кок продолжает массаж. Начинает одолевать чувство неловкости и... благодарности за товарищеское отношение.

— Довольно, довольно,.. genug!.. — ну, как ему объяснить? Жестами показываю, что хватит, что я уже согрелся.

Приносят сухую одежду, новую пару резиновых сапог. Затем просят в кубрик.

Здесь накрыт стол. За столом уже сидит немецкий капитан, рядом — капитан английский. По виду первого заметно, что он еще не пришел в себя. Видно, что мозг его не успел еще освоить создавшееся положение, что капитан плохо понимает, где он, и что с ним. У него отсутствующий взгляд, растерянные и неопределенные жесты.

Садимся за стол. Жирный суп, густо заправленный curry, мясо и виски нас подкрепляют. Идет разговор на немецком языке. Собственно говорят двое: английский капитан и я; немец молчит и смотрит в пространство.

Вскоре переходим в капитанскую каюту. Здесь нас четверо: Captain, старший штурман, Леня и я. Рассказываю, как и что было. На лицах слушателей написан живейший интерес, чувствуется участие, которое они стараются выразить каждый по-своему.

Подкрепление и отдых возвратили бодрость. На столе снова появляется графинчик из резного шкафа, курим английские сигары. Немецкая речь связывает меня с капитаном, я перевожу ее Лене на русский, капитан дает объяснения штурману на английском языке.

Потом рассказывает Леня о своем походе.

Вначале было совсем легко тащить пустые нарты. Долго шли следом за мной. Когда стемнело, и не только меня, но и следов нельзя было различить, когда путь стал неровным, начались ущелья и крутые склоны, пришлось вернуться обратно. Недалеко от холма, на котором был оставлен зажженный фонарь, бросили сани и уже налегке повернули снова на восток. На этот раз направились к южному берегу. Так шли много часов. Людей не встретили и повернули обратно.

Возвратились к шлюпке. Сторожививший ее сообщил, что я не возвращался. Тогда поднялись на холм и там зажгли сигнальный огонь, тот самый, что мы с капитаном увидели на нашем пути. Спустившись к шлюпке, зажгли на берегу второй огонь. Потом сели на весла и вернулись домой, оставив на берегу зажженный фонарь. Было это за несколько часов до нашего возвращения. Все страшно промерзли, особенно англичане, одевшиеся недостаточно тепло.

X. ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ

„Оба капитана траулеров вместе с сотрудниками станции обсуждали вопрос о мерах, которые необходимо принять для спасения команды германского траулера.“

(Из отчета об экспедиции).

Пока мы беседуем и обмениваемся впечатлениями, капитан погибшего корабла отдыхает. Проходит полчаса, может быть — час.

— Darf man herein? — слышен голос сверху.

— Please —

Медленно, неуверенно спускается в каюту капитан. Он производит впечатление протрезвевшего после солидной выпивки.

— Идемте к ним, надо спасать!.. — говорит он.

Потом умолкает. Брови его сдвинуты, он смотрит в сторону, затем переводит взор опять на нас, сидящих у стола. Губы его шевелятся, слов не слышно... брови хмурятся еще сильнее и он резко отворачивается. Молча подымается штурман, чтобы уступить ему свое место.

Нам как-то не по себе. Откуда это смущение?

Да, нам потому не по себе, что никто из нас не знает, что делать. Это просто сказать: идем! Но как помочь? И мы молчим.

Тишину в каюте прерывает голос вахтенного. Он сообщает, что прекратилась пурга. Немец сразу оживляется и вносит свое предложение: пройти на нашей шлюпке вдоль острова, высадиться, принять на борт людей, не могущих итти, и доставить их на судно.

— Остальные должны будут с вами, — обращается он ко мне, — по берегу добраться до парохода...

У нас иной вариант: попытаться пройти на судне к месту крушения. Впрочем, оба плана мало реальны. И вот, когда мы, остановившись на втором, поднимаемся на мостик, чтобы посмотреть, что делается кругом, то видим, что пурга метет попрежнему, а ветер, пожалуй, даже покрепчал. Однако, уже выбирают якорь.

Как быть? Из-за непогоды англичанин категорически отказывается итти каналом и собирается уже распорядиться, чтобы якорь снова отдали. Тогда спешно выдвигается новый проект: попробовать проникнуть на судне в нашу

бухту, к станции, там взять мотор и с его помощью попытаться достигнуть места крушения.

Осторожно, малым ходом, идем по направлению к нашей бухте. Впереди направо тускло мигает фонарь на мысе Скала. Леня и я на мостике.

— Проведете судно? — спрашивает капитан.

Смотрим друг на друга. Я здесь еще недавно, берегов не помню. Надо знать фарватер. По компасу не пойдешь.

— Нет, я не могу... А вы? —

— Нет — качает головой Леня — ведь ни зги не видно!

Действительно, впереди черно, ни единого светлого пятнышка.

Идем самым малым вперед. Потом — короткое приказание, рулевой быстро вертит штурвал, лево на борт! поворот на 180 градусов. Уже слева мигалка на мысе Скала, идем назад, к острову...

Мы оба и немецкий капитан просим англичанина попытаться хоть немного, насколько возможно, приблизиться к лагерю, воспользоваться тем, что опять чуть-чуть прояснело, прекратились заряды снега. Проходим мимо прежней стоянки. Осторожно, будто ощупью, с приспущенным якорем, пробирается пароход на восток. На мостике — молчание, тишина. Слышны только свист ветра и стук машины. Но вот мелькнули отдельные снежинки, откуда-то справа появляется белое облако, скрывая все и вся — опять пурга!

Молча повинуемся судьбе. Немного времени прошло, и вот уже грохочет якорная цепь, якорь отдан на старом месте. Остается ждать рассвета. Часов через двенадцать он будет...

Ждать! А те там — могут ждать?! Наверное, до сих пор они стоят на холмах и кричат до хрипоты навстречу ветру! Или улеглись и спокойно спят?..

Немец со слезами на глазах просит выслушать его. Он умоляет принять его предложение. Он показывает рукой на звезды, неожиданно опять проглянувшие с неба.

— Вы пойдете с нами на шлюпке? Проведете их через остров? — спрашивает он меня.

Это безумие! Ни Леня, ни я, мы не моряки, но мы понимаем, что только отчаяние может заставить человека просить об этом. И все же мы не можем ответить — нет, не пойдем!..

— Хорошо... Леня, вы пойдете?

Леня не хуже моего понимает, что это безрассудная, безнадежная попытка, но отвечает:

— А вы пойдете? Тогда я тоже пойду.

Жутко. Но решение принято. Капитан оживился. Мы, правда, решили итти, но... ведь яснее ясного, что попытка эта заранее обречена на неуспех. В шлюпке места на четверых, больше взять нельзя, а куда мы положим раненого, и кто и как будет грести? В лучшем случае мы только выбьемся из сил, в худшем и, несомненно, более вероятном, нас опрокинет, зальет или разобьет о камни.

Все равно! Пошли. Кроме нас троих желающих нет. Спускаемся вниз, в каюту. Надеваем ватники, повязываем шарфы. Это делается молча, молчат матросы и капитан. Двое зашептались. Нет, нас не отговаривают.

Но вот входит рулевой и что-то говорит капитану. Англичане уходят наверх, в рубку. Через минуту капитан спускается, останавливается на трапе. Нам видны только его ноги.

— Придите наверх.

Ноги исчезают. Один за другим поднимаемся на мостик. Англичанин вытянул руку, показывает в пространство. Звезды на небе исчезли, не видно самого неба, все скрылось за белой завесой, сотканной из несчетного количества крупинок снега и льда. Под музыку ветра завеса пляшет, неистово бьется в пространстве, с глухим шумом ударяя в стекла капитанского мостика.

Молча стоим мы, слушаем жуткую песню, наблюдаем дикий пляс разбушевавшейся стихии. Сумасбродную затею приходится отставить. Оглядываемся кругом. Капитан-англичанин пытливо и напряженно уставился на нас. Капитан-немец смотрит куда-то в даль. Он видит людей, воображение рисует ему страшную картину их подневольного танца. Что это?! Они, его люди, как будто заодно с мятелью! Он видит их замысловатые па, прыжки и приседания, потом... Крупная дрожь пробегает по всему телу. Человек припал к стеклу. Где они? Почему они больше не пляшут?! Вот те черные пятна, над которыми белыми живыми метлами проносится снежная пыль, это они! Мертвые лежат они, плохо прикрытые холодным саваном, все, как один... Кончено все...

Человек очнулся. Безумными глазами смотрит он на нас, еще раз бросает взгляд в окошко вслед исчезнувшему видению. На лбу его крупные капли пота. Он отирает их рукой и отходит неверной походкой от окна. Не глядя ни на кого, капитан направляется к трапу. Он не спорит. Он понимает, что выхода нет. Остается — ждать.

XI. АВРАЛ

„Имею честь выразить Окружному Мурманскому исполкому — пишет консул, — мою искреннюю признательность за меры, принятые к спасению экипажа германского тральщика „Иоганнес Тоде“, выброшенного у Большого Оленьего острова. В особенности прошу передать благодарность всем тем, кто, не взирая на все опасности и с риском для собственной жизни, принял участие в спасении германских моряков...“

(Из „Благодарности германского консула“. — Полярная Правда, 27 февраля 1929).

Нет! Помогут наши люди. Мотор выручит. Сделаем еще попытку пробраться к станции. У мигалки сядем в шлюпку и пойдем на веслах.

Англичанин согласен. Снова грохочет якорная цепь, рулевой становится к штурвалу.

Вскоре по носу судна открывается мигалка. Все ближе огонь, все дальше проклятый остров. Поворот. Заходим в бухту. Дальше капитан не идет.

Придется спускать шлюпку здесь. Скрипят тали. Шлюпка на воде. Поглядите вниз! Смотрите, как она пляшет. Вот она здесь, под самым бортом, секундой позже она исчезла, ищите ее где-нибудь там, внизу, чуть ли не под килем судна. Еще момент, и горбатая волна подхватила ее, снова поднесла к фальшборту.

Нас трое. Пользуясь случаем, вскакивает в шлюпку Леня. Следующий момент упущен. С размаху ударяется утлая шлюпченка о стальной борт судна. Ничего, пока еще цела! Опять подносит. Моя очередь. Бросаюсь в объятия Лени. Потом прыгает капитан. Отталкиваемся и изо всех сил отгребаем прочь. На веслах Леня и я, капитан на рулевом.

Когда сидишь на банке с веслом в руке, волна не кажется страшной. Гребем бодро, идем хорошо. Чем дальше, тем меньше волна. Почти тихо.

На помостке оставлен зажженный фонарь — видно, не забыли еще про нас. Далеко позади остался тральщик. Он медленно развернулся, блеснул огнями кают машинного отделения и кубрика и ушел обратно к острову.

Уже совсем близко. Кричим, но никто не отвечает, должно быть все уже разошлись; ведь время позднее —

двенадцатый час. Прошло 10 часов с момента нашего ухода со станции.

Высоко вверху навис помост. Обледенелые сваи вытянулись во весь рост — сейчас время отлива. Высаживаемся прямо на камни. По скользким замерзшим фукусам[1] тащим шлюпку наверх, на обсушку.

По брошенному на камни трапу направляемся к дому.

Момент встречи стерся в моей памяти. Помнится только что в нашей столовой горела большая, тридцатилинейная лампа без абажура, красноватым светом озарявшая двa-три повернутых к двери лица. Выражение этих лиц напряженное, серьезное. Это наши товарищи, решившие дождаться возвращения ушедших.

Потом, должно быть, пошли расспросы, приветствия.

Наша публика знакомится с немцем, жмет ему руку.

В нескольких словах я сообщаю факты, предлагаю организовать экспедицию на моторе. Призыв находит самый живой отклик. Согласны все! Бегут будить моториста, отправившегося уже во-свояси, бросаются одеваться, собирать все, что может понадобиться в походе. Хозяйки отправляются на кухню готовить второй ужин. Нас угощают разбавленным спиртом из лаборатории, поят горячим чаем. Но мы ведь только что от стола гостеприимных англичан. Сейчас нам тепло, мы сыты. Странно, что ни нам троим, вернувшимся с острова, ни кому-либо из остальных не пришло в голову захватить с собой в дорогу хоть немного пищи для нас самих и для тех на острове. Нам казалось, что теперь, с мотором, все удастся быстро и хорошо закончить. Все-таки это была оплошность.

Мотор забастовал. Время идет, мы нервничаем. Бот спустили на воду, моторист бился над мотором целый час, разогревал его, подвинчивал, продувал, но все напрасно; старая изношенная машина отказывалась работать на морозе.

Если сначала постановили, что четвертых на моторе будет достаточно, то теперь это решение необходимо отменить. Идут все! Раз от мотора приходится отказаться, значит — пойдем на веслах, значит, чем больше людей, тем лучше: нужна рабочая сила.

И станция дала эту силу. Не пошел только тот, кто действительно не мог.

---

[1] Водоросли.

Зима этого года выдалась чрезвычайно суровая и снежная. Задует, бывало, штормовой ветер от NW или NE с пургой и мятелью, дует день, другой, третий, неделю, потом стихнет на несколько минут, и на смену ему сразу сорвется бешеный SW, затем снова повернет обратно или неожиданно превратится в холодный сухой S или SE. Так проходили недели или даже месяцы.

Кругом дома намело огромные сугробы, засыпало ледник и сараи.

Летом предыдущего года в районе губы работала гидрография. Здесь, невдалеке от станции, моряки оставили свои судовые карбаса. Аккуратно, друг возле друга, поставлены эти большие шлюпки килями кверху на соседнем пригорке. Их прикрывает досчатый навес. Наблюдение за сохранностью имущества Гидрографического управления поручено нашему „береговому боцману" Илье Николаевичу.

У нас нет больших шлюпок.

— Гидрография не осердится, — решает Илья, — возьмем их карбас.

С лопатами, баграми, топорами и пилами бросаются люди к карбасам. Но где они, карбаса? Вместе с навесом лежат они, погребенные под многофутовым слоем плотного снега.

Работа кипит. При каждом взмахе лопаты от снегового покрова отделяется ровный куб белой массы и распыляется по ветру. Через полчаса одна сторона навеса свободна от снега, вокруг крайнего из карбасов выкопан глубокий ров. Доски навеса спилены и отброшены в сторону. Карбас свободен. Под него подводятся длинные шесты, люди ложатся на них, нажимают, и карбас с треском отрывается от промерзшей почвы. Общими усилиями его переворачивают и ставят на киль. Затем идет расчистка пути к воде. Все это требует много труда, но страшно не это, страшна потеря времени. Немало утекло его от момента нашего прихода до того, как под общие возгласы и „Дубинушку" удалось, наконец, спустить карбас на воду.

Но вот тяжелая посудина плавно покачивается на воде. Один за другим прыгают наши внутрь карбаса. Мне не везет; повисаю на борту, ноги выше колен в воде. Ничего, сейчас подойдем к брюге; дома переоденусь.

Суденышко показалось нам надежным, воды не забирало. Весла оказались подходящими, беда только, что нет уключин. Кое-как добрались до брюги. Пришвартовались к трапу. Наш повар, он—же плотник, побежал за топором

выделывать новые деревянные уключины. Я отправляюсь в дом переодеваться. Невольное купанье сослужило мне неоценимую службу: не будь его, я бы не догадался надеть вторую пару теплых чулок.

В столовой я нашел капитана. Разговорились.

Он рассказывает историю аварии, спокойно, последовательно. От этой тяжелой темы переходит к иным, говорит о жизни на своей родине, о собственной жизни, иногда вспоминает мелочи, случайные факты, иногда вдруг переходит к общим вопросам, высказывая свое отношение к проблемам социального и религиозного порядка. Он говорит о послевоенных трудностях, переживаемых побежденной страной, о волнениях в народных массах Германии, протестующих против снижения их жизненного уровня, об озлоблении народа и брожении умов, мечущихся между коммунизмом и крепко еще держащейся религией. Он рассказывает о детстве своем и молодости, о том, что повлекло его к морю и как он плавал матросом. Рассказывает о том разочаровании, которое испытал он, познакомившись с морской жизнью вплотную, о том, как хотел он бросить свою профессию и как неодолимая тяга к морю заставила его остаться верным ему, как он стал штурманом и в конце концов капитаном. С большой теплотой вспоминает семью свою и особенно старуху-мать. Она привыкла к его долгим отлучкам и рада поддержке, которую оказывает ей сын из своего небольшого капитанского жалования. Она гордится тем, что сын ее управляет целым пароходом. Капитан улыбается, вспоминая об этом... Вдруг улыбка его исчезает, лицо болезненно искривляется, он вспоминает другое, то, что случилось в эти ужасные дни. Ему ведь нечем управлять, его „Johannes Thode“ погиб, а люди, команда его, за которую он отвечает, они гибнуть тоже! Капитан хватается за голову, падает лицом на стол...

В комнату входит Леня:

— Пора! Мы уже садимся.

Надо итти. Подымаемся и направляемся к двери.

XII. ПРОТИВ ВОЛНЫ

„... первоначально двигались быстро, но вскоре продвижение вперед крайне замедлилось вследствие противного течения; в это же время снова усилился ветер и увеличилась волна".

(Из отчета об экспедиции).

Нас, обитателей станции, десять человек. На весла садятся два научных сотрудника, два матроса, моторист и повар. Илья становится на руль. Рядом с ним занимает место капитан. Дома остаются трое: судовой боцман, старик, едва оправившийся после болезни, и две женщины: наша сотрудница и жена моториста.

Четыре часа ночи.

Бодро двинулись мы на карбасе со шлюпкой за кормой. От каждого энергичного взмаха шести весел наше суденышко делает большой скачок вперед. В бухте волна длинная, пологая, дальше она становится крутой, гребень заворачивается внутрь и сильно пенится. Однако карбас наш не сбавляет ходу. Легко взбирается он по склону волны, разрезает вершину ее пополам и так же плавно спускается вниз. На границе с проливом попадаем в сувой. Мелкая, крутая волна бьет в борт карбаса, ударяет в нос и засыпает нас мелкими брызгами. Но сувой нас не может задержать, тем же сильным темпом выгребаем дальше. Вот из-за мыса появились огни тральщика. Время от времени оборачиваемся, смотрим, много ли еще осталось. Огни все ярче, их все больше. Уже можно отличить выступающие сквозь снежный туман темные очертания корпуса корабля. У нас с собой свистки; свистим, что есть мочи. Но вой ветра сильнее, он заглушает звуки—на судне нас не слышат. Гребем дальше. Громада корабля уже ясно вырисовывается на темном фоне ночи, уже легко отличить фигуры людей, проходящих вдоль борта, сосчитать каждый освещенный иллюминатор. Опять свистим. Наконец, нас заметили; на палубе тральщика засуетились люди. Еще немного, и мы подходим к борту. Оттуда летят чалки, здесь их хватают, крепят, и мы подтягиваемся вплотную к судну.

Поднимаемся на палубу. В кубрике нас приглашают отдохнуть, угощают. Некоторые из наших не отказываются от кружки чая с молоком или рюмки живительной влаги.

В лексиконе наших северян всегда имеется несколько английских и десятка три норвежских слов. Илья и другие бойко жонглируют ими, причудливо коверкая бедные заморские выражения на российский лад.

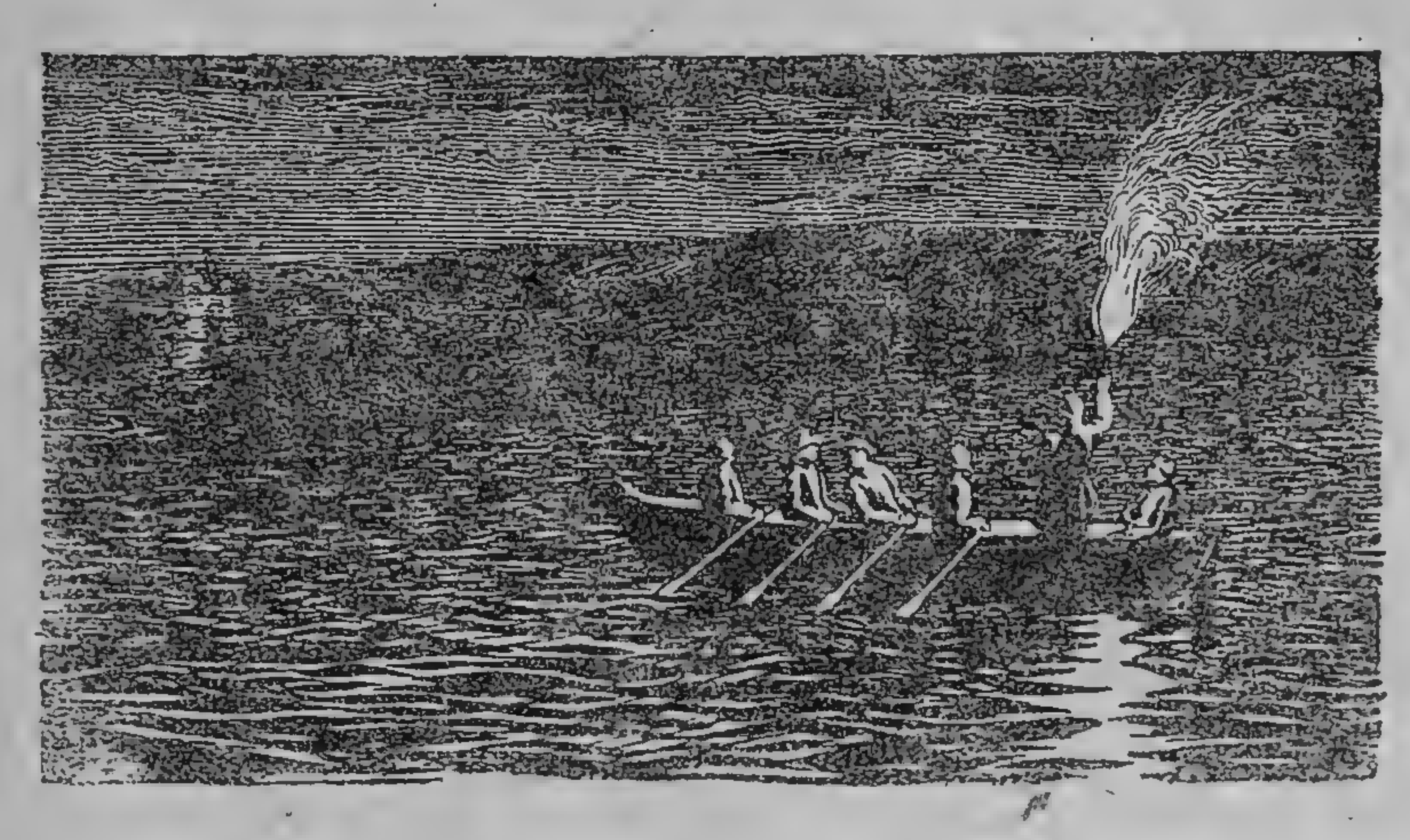
Вряд ли они сами знают, что хотели сказать, повторяя по десять раз подряд — all right и very good. Но настроение свое им удалось передать, потому что люди улыбаются, хохочут и хлопают друг друга по плечу. Так всегда бывает с моряками: где бы они ни встретились, они поймут друг друга.

Но ведь не для разговоров пришли мы сюда. Всего лишь несколько минут для отдыха — пора итти дальше. Англичане снабжают нас тонким крепким тросом и сигнальными огнями, обменивают деревянные уключины на настоящие, железные. Прощание проходит серьезно, шутки забыты, не слышно больше даже столь привычного all right! Один за другим спрыгиваем в карбас и отваливаем от борта. Опять нас шестеро на веслах, Илья на руле. Немец сидит рядом, съежился в комочек и не двигается.

Грести приятно. Приятно потому, что видишь, как быстро и точно продвигаемся вперед. Огни тральщика остались далеко позади. Их все меньше, но горят они ярко и бодро. Еще полчаса тому назад, когда мы подходили к судну, они казались мутными из-за массы снега, в диком круговороте проносящегося мимо. Это были последние заряды. Сейчас на небе сияют звезды. Сегодня больше не будет пурги. Даже ветер стих немного. Только мороз не сдает. Но нам тепло пока — согревает гребля. Все это действует на нас ободряюще, мы чувствуем в себе свежие силы. Так проходим мы до мыса, за который предстоит повернуть.

Вот мы дошли. Почти полпути сделано. Но время работает не на нас. Настал прилив, и мы оказываемся лицом к лицу с сильным течением. Гребем вдвое энергичнее, но эффект гребли втрое меньше. Тогда мы продвигались играючи, сейчас приходится воевать из-за каждого метра. Какая разница—здесь и там! Один гребок там, за мысом, стоит доброго десятка их здесь. Мы без стеснения браним ту космическую силу, которая велит океану периодически наступать на сушу и снова отходить прочь. Мы браним ее за то, что она не отложила демонстрации своей точности до более подходящего времени. И все-таки мы не унываем. Ведь хоть и медленно, но продвигаемся же мы вперед! Только время... время летит, а оно ведь так дорого!

Идем вдоль крутого берега. В темноте виднеются белые пятна снега, засевшего в неровностях отвесного склона, виднеются контуры черных прибрежных скал. То один из нас, то другой дает свисток. Никакого ответа. Только рев волны, ударяющейся о берег, да вой опять покрепчавшего ветра вторят нам эхом. У нас есть несколько сигнальных огней. Зажигаем один, через некоторое время другой. Изумительная, непередаваемая картина! Ярким белым пламенем горит огонь, проливая свой свет на гребцов, воду и недалекий берег. Высоко над нашими головами пылает факел, озаряя призрачным блеском темные, склоненные фигуры людей, их лица и руки, весла и кружки пены,

остающейся на воде после каждого взмаха, неровные грани черных волн и белые барашки на вершинах гребней, горящие металлическим блеском береговые утесы и холодно-белый покров острова, сливающийся где-то вверху с небом, темным, как сама ночь. Мысли заняты другим, но глаза смотрят, картина отражается в мозгу, создавая впечатление, которое проектируется затем на неведомой эмульсии замечательной пластинки, называемой памятью. Такие картины, как те, что мы видели тогда при свете фальшфейера, пластинка эта сохранит во всей первоначальной силе и чистоте до конца жизни человека. Но свет гаснет, жестокая тьма охватывает нас, плотно закутывает в свое мохнатое покрывало. Мы не видим ничего, даже соседа, гребущего рядом. Не странно ли, что в такую минуту, в момент исключительного напряжения мысли, воли

и мускулов, так страстно хочется самому зажечь фонарь, подержать его в руке? Удивительное, ребяческое желание, так плохо вяжущееся с серьезностью положения...

Гребем изо всех сил, но как мало толку от этого! Уже не минуты приходится считать, нет, мы чувствуем, что проходят часы...

Где-то далеко, у горизонта, в том направлении, куда мы идем, брезжит слабый свет. Понемногу, медленно, занимается заря. Начинается полярный день. Сегодня солнце еще не взойдет. Оно медленно, плавно подойдет к самому горизонту, остановится здесь, постоит и пойдет обратно вниз, освещать и согревать иные, менее суровые, более приветливые страны. Издалека пошлет оно угрюмому северу привет; скудный пучок пологих лучей пробьется из-за горизонта и редким световым дождем упадет на покрытые снегом горы и холмы побережья и на темные воды Ледовитого океана. Крошечная доля света придется и на наш одинокий карбас, затерянный среди волн разбушевавшегося моря.

Но пока еще на небе ярко сияют звезды. Оно уже не такое черное, как было час назад, но там, где копошимся мы, еще царит тьма.

По нашим расчетам мы должны уже находиться невдалеке от лагеря команды погибшего судна. И вот на некотором расстоянии от нас показывается странный черный предмет. Это не прибрежная скала, не камень, торчащий из воды, это железный остов корабля. Осталось полмили до него. До лагеря, следовательно, совсем немного. Сжигаем третий фальшфейер. Свистим, и почти одновременно слышим крик, доносящийся с берега. На белом фоне снега появляются две фигуры. Они!

XIII. К БЕРЕГУ

„... но прибой с такой силой налетал на скалы, что все попытки спасти нас на шлюпках оставались безрезультатными".

(Из „Рассказа спасенных германских моряков".—Веч. Кр. газета, Январь, 1929 г.).

Казалось бы просто: взять всех людей на борт и доставить на судно. Собственно в этом и состояла наша задача. Но просто и скоро только сказка сказывается. Дей-

ствительность так часто бывает мало похожа на сказку! И вот жестокие обстоятельства превратили эту простую задачу в неразрешимую.

Увидав на берегу людей, мы отдали якорь. Маленькая передышка для гребцов. Отпуская мало по малу якорный трос, приближаемся к берегу. Но здесь у берега настоящая толчея. Скорей подтягиваемся обратно.

За кормой карбаса болтается наша шлюпченка. Правильно сделал наш хозяйственник-боцман, захватив ее с собой. Ей предстоит большая работа.

Якорный трос крепится на носу карбаса. Один конец тонкого линя, взятого с тральщика, привязывается к корме его, другой закрепляется на носу шлюпки. В нее садятся трое: моторист, Леня и капитан. Карбас стоит неподвижно невдалеке от берега, переправа совершается на шлюпке. Крепко держим мы тросик, понемногу отдаем. Взводнем относит шлюпку к берегу.

— Отдай! Придержи! — кричат оттуда.

Фонарь на шлюпке вдруг гаснет, и она исчезает из наших глаз. Мы слышим крики, но шум прибоя сильнее, мы не можем разобрать, что нужно: травить или придерживать? Позднее мы узнали, что шлюпке удалось благополучно пройти мимо подводных скал и добраться до берега. Но не успели еще люди выскочить на камни, как набежавшим взводнем подхватило шлюпку и швырнуло на гранит. Мгновенно наполнилась она водой. Леня, бросившийся прочь, оказался выше пояса в студеной влаге, те двое тоже приняли холодную ванну, но отделались сравнительно еще благополучно.

Шлюпку, почти до бортов полную воды, подтягиваем обратно. Отливаем ведрами.

— Нужно искать более спокойную пристань, — решаем мы.

С тридцатисаженной глубины выбираем якорь и отправляемся на поиски. Идем вдоль берега в обратном направлении.

На берегу капитан пошел к лагерю, где был оставлен раненый матрос. Двое наших рыщут с фонарем вдоль берега в поисках места, удобного для высадки. Насквозь промокшего Леню выручил моторист, передавший ему часть своего нижнего белья. Переодевались на снегу. Мороз к этому времени, в связи с происшедшей переменой направления ветра, еще усилился, доходя до 20 с лишним градусов,

Нашли, наконец, щель, глубоко врезающуюся в берег. Тихая, спокойная вода. Бросили якорь. Напрасно! Путь к бухте прегражден подводными рифами. Выбрали якорь. Опять идем на веслах.

В третий раз бросили якорь.

К этому времени участники экспедиции уже порядком измотались. Каждый гребок стоит большого напряжения. Мускулы плохо повинуются воле. Не лучше и тем двоим на берегу. Все время, пока мы гребем, они карабкаются по скалам, их темные фигуры, освещенные светом фонаря, мечутся среди камней и на снегу. Впечатление таково, что они потеряли что-то. Нет, ничего они не потеряли, и тем не менее они ищут, ищут вместе с нами с настойчивым желанием найти. Безуспешно!

В третий раз выбираем якорь. Уже почти светло. Ветром ли или за ненадобностью погашен фонарь на берегу. Остров перед нами во всей ослепительной белизне зимнего одеяния. Каждая скала отчетливо вырисовывается на ярком фоне снега. Вдали, направо, виднеется черный силуэт выброшенного корабля.

На снегу резко выделяются темные фигуры направляющихся к нам людей. Прямо против нас суетятся моторист и Леня.

Усталость берет верх. Слышится голос, предлагающий вернуться на судно, домой, — все равно, мол, ничего не добиться.

— Нет, ни в коем случае!

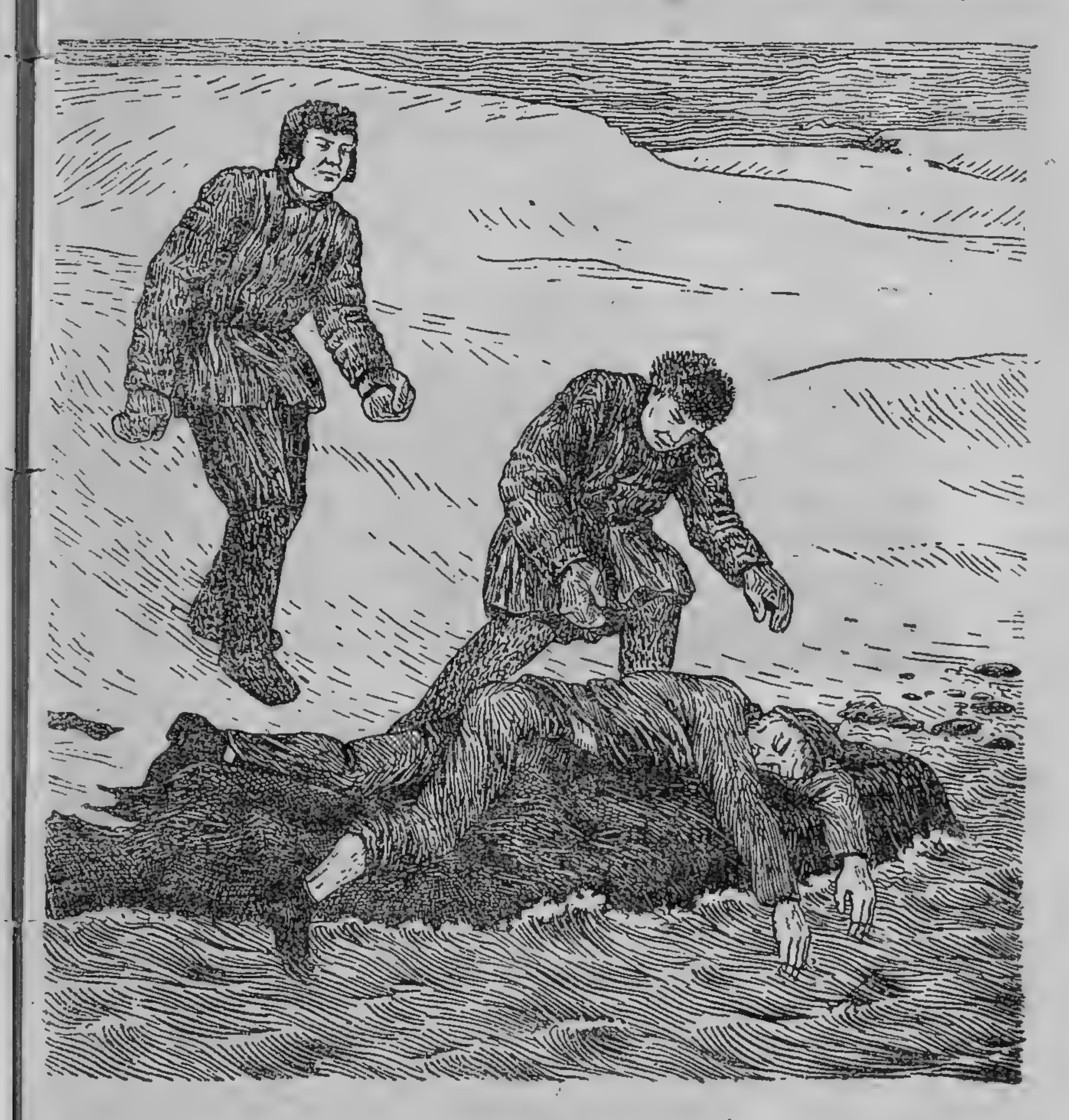
И вот мы решаем сделать еще одну попытку — почему-то нам кажется, что это — последняя. Уже в четвертый раз бросаем якорь. Вместе с матросом Мишей я сажусь в шлюпку. Берем конец, чтобы забросить его на берег. Около самой воды торчит несколько камней, выше — круто поднимается белый обрыв. Дальше направо, по верху, виднеются фигуры немцев. Один за другим идут они, всего шесть человек. Один оступился, или просто упал, и покатился вниз. Какой-то милосердный камешек остановил его около самого обрыва. Человек лежит; потом становится на четвереньки и ползет дальше. Это — кочегар с траулера, тот, что в ботинках на босу ногу, в брюках и куртке на голом теле...

Термометр в это утро показал 29 ниже нуля. Это был самый холодный день за всю зиму.

XIV. С ЖИВЫМ ГРУЗОМ

«...спасение, казавшееся им чудом, стало реальным фактом...»
(Из Веч. Кр. газеты, январь 1929).

Кочегар ступил на камни. Медленно, осторожно подходим мы на шлюпке к берегу. Бросаем конец. Кочегар вы-

тягивает руки, взмахивает ими по воздуху и грузно падает на землю. Ноги его полощутся в воде, корпус бессильно перекинут через мокрый камень. Обе руки плетьми свеси-

лись по другую сторону валуна. Набежавшая волна охватывает руки и ноги несчастного, подбирается к телу, чтобы захватить его с собой в пучину. На этот раз не удалось... Но человек не чувствует злобного замысла волны, не чувствует боли и холода от прикосновения воды: он в тяжелом обмороке. Спешно подбегают Леня и моторист и оттаскивают живой труп в сторону.

С карбаса нас подтягивают обратно. Следующую попытку связаться с берегом делаем уже втроем: Миша готовится бросить конец, Илья гребет, я сижу на корме с рулевым веслом. Мощной волной подносит нас все ближе к берегу. Проходит волна и мы опускаемся низко-низко, почти касаемся скалистого дна килем шлюпки. Нахлынувшим

сзади взводнем охватывает меня выше пояса, лодка мгновенно наполняется водой. Боцман и Миша бросаются на нос, чтобы выше поднять корму. Лихорадочно отливаем воду. Нас снова подтягивают к карбасу. Миша высаживается, остаемся вдвоем с Ильей. Возобновляем попытку, и на этот раз удачно. Конец падает на камни. Плашмя бросается на него Леня, схватывает, натягивает и старается зарочить [1] за торчащие льдины. Но лед не держит, а камни округлые и гладкие. Моторист и Леня тащат конец, окручивают его вокруг себя, упираются ногами в снег и застывают в наклонном положении.

Итак, связь с берегом удалось наладить. Получилась система: карбас, трос, люди и твердая почва. По тросу

---

[1]) „Зарочить" — завязать, прихватить. *Примеч. ред.*

передвигается подвижное звено — шлюпка. Вместе с боцманом мы будем на этом импровизированном пароме перевозить людей.

Помнит ли кто-либо из них этот момент? Полсуток тому назад это были еще люди, сейчас это — тени, облеченные в измученные человеческие тела. Да, прошло полсуток с момента той встречи. Для них это были убийственные часы, отнявшие у них последние силы. Только инстинкт самосохранения привел их сюда. Они потеряли речь, вряд ли они понимают, что происходит кругом. Молча стоят они, дрожащие, как в лихорадке, или мертвенно-неподвижные, смотрят на нас, не видя нас. Лица их цвета снега, голые руки — синие. Глаза смотрят с тупым безразличием, у некоторых они закрыты.

И все-таки, глядя на них, понимаешь, что эти люди пришли сюда с определенной целью, что, может быть, помимо сознания, в них еще теплится огонек надежды. Это чувство надежды подчинено грубому инстинкту, инстинкту, сильнейшему из всех, но все-таки оно еще живо.

Эти люди... Кто из нас забудет галлерею этих лиц?! Они видят смерть. Она — живет в них, она — здесь, вот рядом! Нам страшно...

Вот он, великан-кочегар, человек, сильный желанием жить! Должно быть, красивое, овальное, типично-германское лицо с большим, энергичным носом, теперь оно цвета слоновой кости, желто-белая кожа кажется слегка припудренной; нос — интенсивно-желтый с большим черно-красным пятном запекшейся крови во всю левую сторону, зрачки глаз и голубая радужная оболочка исчезли под верхним веком, видны лишь узкая кайма ее и белое яблоко. Таким мы нашли этого человека, таким мы видели его позже, в течение долгих часов гребли. Он, так же как и остальные, пострадал ужасно. У всех без исключения оказались отмороженными уши и руки, также ноги и другие части тела. Много часов прошло, пока мы добрались до теплого помещения. За это долгое время поражения тела бедных людей едва ли уменьшились. Значительно позднее мы получили сведения, что обморожения были настолько сильны, что ко многим пришлось применить крайнюю меру — ампутацию. Кочегар потерял при этом обе ноги, руку и... нос...

Можно ли ждать от этих людей разумного? Нет, единственное, что понимают они, это то, что вот эта шлюпка, пробирающаяся к ним по тросу, несет им спасение.

В шлюпке нас двое. Боцман перетягивается, я готовлюсь к приему людей. И вот мы видим, что стоящий впереди человек не в состоянии будет выждать момента, когда шлюпку поднесет к самому камню. Изо всех сил стараемся мы направить ее как следует, но шлюпка еще глубоко внизу, когда человек бросается сверху в нее. Вытягиваю руки, лодку поднимает волной и человек оказывается повисшим на борту. Шлюпка кренится, но мы успеваем перебросить тело внутрь. Приняли двоих. На пути к карбасу черпнули воды. Решаем впредь брать по одному.

Знание языка и роль приемщика велят мне взять на себя командование погрузкой. Нервы напряжены до последней степени. Но мы спокойны, каждый делает свое дело точно, почти хладнокровно.

Вот стоит молодой матрос, за ним старик, еще позади — опять молодой. Случайно стали они так, забыта немецкая вежливость, молодой не пропустил вперед старого. Разве станешь винить его за это? Стихийно получилась живая очередь из полуживых людей.

Наученный опытом первой перевозки, я начинаю с „оценки“ человека, стоящего впереди.

Молодой, видимо — матрос — пытаюсь я прочесть на лице парня, ожидающего перевозки. Еще издалека я кричу ему, что все хорошо, что сейчас мы возьмем его с собой, потом объясняю, что прыгнуть нетрудно, необходимо только уметь выждать момент, а когда этот момент наступает, я громко кричу „прыгайте!“, и человек вваливается к нам в шлюпку как раз в нужную минуту. Старику я обещаю помочь, прошу положиться на нас, умоляю только не спешить, потом принимаю его на руки. Каждому из них я говорю много, много, в расчете, что хоть одно из десяти слов дойдет до их сознания, а если не из слов, то по тону они почувствуют, что и когда им нужно делать. Прием оказывается удачным, в результате все шесть человек благополучно доставлены на карбас. Только маленький старичок чуть не погубил нас. Погрузка его произошла легко. Но, когда шлюпка подошла к карбасу, он, завидев высокий борт, инстинктивно сам направился к нему, но, не имея сил для того, чтобы подняться, просто стал переваливаться с боку на бок. Всем бортом ушла шлюпка в воду, очередная волна хлынула внутрь. Резким толчком сбрасываем мы человека вниз, на дно лодки. Крепко держим его за шиворот, успокаиваем. Потом легко подымаем беднягу и передаем на карбас.

Итак, на берегу остались только Леня и моторист. Надо принять их и поскорее отваливать, чтобы доставить пострадавших людей на судно. Ждать они не могут. Позже нам говорили, что приди мы часом или даже на полчаса позднее, и никто из них не остался бы в живых. Может быть, это и не так, но так казалось им самим, — это их слова.

Однако, мы узнаем, что к нашему карбасу направились не шесть, а семь человек. Где же седьмой? Он не выдержал пути, упал и остался лежать в снегу. Это был судовой кок, один из тех двух людей, что встретили меня на острове первыми. Еще тогда нетрудно было заметить, что он был немного навеселе. Человек этот не производил приятного впечатления. Это слабый субъект. Он пил, несмотря на запрещение капитана, больше других. Он изнемог раньше других.

Что же — итти на поиски его?.. Минута тяжелого раздумья. Только минута. Мы быстро решаем, как ни трудно это. Некогда! Мы не можем рисковать жизнью шести человек из-за одного. Зайдем после! — После заходить не пришлось...

Еще тяжелый вопрос: ведь всех было двенадцать; где же остальные? Вопрос без ответа, но медлить нельзя.

Снова мы с боцманом на шлюпке. Принимаем Леню. Последним пойдет моторист. Мы оглядываемся. Он ждет нас. И только теперь, перед последним рейсом, становится вдруг жутко. Мы не боимся еще раз повторить наш переход. Но почему-то страшно смотреть на эту нелепую фигуру на берегу. Так и запомнилась нам она: изогнувшись в три погибели, с далеко отставленной в сторону ногой стоит человек; он изо всех сил тянет к себе веревку... Поза и действия человека кажутся бессмысленными и жалкими на фоне дикого острова и огромной волны, набегающей с моря. Но это неверно, так нужно!

Мгновенно отпустив веревку, моторист бросается к нам в шлюпку, Все в сборе. Теперь — обратно, на судно. Спешно выбираем якорь, снова закрепляем шлюпку за кормой карбаса.

Судно далеко, за мысом. Почему оно не подошло сюда, к нам? Ведь мы так условились: с рассветом траулер должен был постараться продвинуться по каналу вдоль острова. Видно, капитан побоялся, не решился рисковать своим пароходом.

8 часов утра. Опять на веслах. Нас шесть гребцов, но мы советуем немцам присоединиться к нам, чтобы согреться

от движения. Кое-кто действительно берется за весло. Они не гребут, конечно, но они держатся за черенок весел и мерно, в такт с нами, покачиваются взад и вперед. Шевелит веслом и кочегар.

XV. DECRESCENDO

„...от усталости и холода гребцы стали изнемогать и один за другим выбывать из строя"...

(Из отчета об экспедиции).

Четыре часа тому назад мы выгребали против прилива. Сейчас идем в обратном направлении, но прилив успел смениться отливом; мы опять лицом к лицу с волной. Сначала гребем в обычном, спокойном темпе. Но мы не продвигаемся вперед — нас относит обратно. Тогда призалегаем на весла, выгребаем изо всех сил, но в результате остаемся на месте, волна и ветер сильнее нас. До мыса недалеко, лишь бы добраться до него! Но все наши усилия пробиться вперед оказываются безуспешными. Правда, саженей на тридцать нам удалось продвинуться, но затратили мы на это два часа непрерывной, напряженной работы. За два часа — 30 саженей! Нет, не выгрести нам! Делаем попытку пройти серединой пролива, стараемся пробиться около самых скал, но нас все сносит обратно. Все силы уходят, а их немного осталось, — на то, чтобы удержаться на месте.

— Отдай якорь! — командует боцман.

Измученные мы рады отдыху. Мы уже давно перестали разговаривать, теперь сидим молча.

— Что будем делать?..

Больше нет сил грести, да и толку в гребле никакого. Оставаться здесь, буквально ждать у моря погоды, тоже немыслимо. Немцы забились вглубь карбаса, стараясь укрыться за бортом от леденящих порывов ветра. Мы тоже мерзнем. Нужно на что-то решиться. Рассуждаем от противного: к траулеру нам не выгрести, ждать в море невозможно — замерзнем, высадиться обратно на остров нельзя и нет смысла, значит, остается один выход — попытаться пробраться в ближайшее селение, в деревню Захребетную, расположенную на противоположном берегу. Наш живой груз требует самой срочной доставки — медлить нечего. Спасти этих людей — в этом наша задача, а заодно спасти

и себя. Да, — в этот момент мы остро ощущаем серьезность нашего положения.

Итак, выбираем якорь, и начинается — последний этап нашего пути, этап страшный, поставивший уже нас самих перед лицом смерти.

На руль садится молодой сотрудник нашей станции. Глеб Семенович направляет карбас к виднеющемуся вдали берегу. Мы держим курс не в сторону становища, а гораздо правей, мы продолжаем борьбу с течением, которое во что бы то ни стало хочет вынести нас в открытое море.

Нам не до того, чтобы любоваться красотой пейзажа. Но в то время, как мы барахтаемся в волнах пролива, друзья наши, оставшиеся на станции, наблюдают изумительную по яркости и своеобразию картину. Беспокойство за нашу судьбу погнало их на верхушки холмов. Внимательным взором осматривают они окрестность в поисках людей, ушедших этой ночью со станции. Но глаз их не может найти нас, мы затеряны где-то среди крутых волн океана.

Полдень. Солнце осталось за горизонтом, но яркие лучи его слились в сплошное красное зарево, охватившее половину небесного купола. Нежные переходы от розового к бледно-голубому отделяют южную половину его от северной, отличающейся цветом чистой бирюзы, лишь немного темнее, глубже и как бы серьезнее. Небо ясное, ни единого облака, воздух морозен и прозрачен, как алмаз. Пурпурный свет далекого солнца заливает снежные вершины гор, выделяющихся на горизонте, ближе он бледнеет, снег на склонах холмов кажется розовым, еще ближе розовый оттенок совсем блекнет и растворяется в ослепительной белизне соседних холмов.

Резкой, неровной чертой отгородились темные тона моря от светлых, блистающих чистотой оттенков неба и снежного покрова земли. Здесь виднеются причудливые линии черных скал, окруженных венками белой пены. У самого берега громоздятся изсиня-черные волны, дальше они сливаются вместе в огромное, темное тело океана, сверкающее бесчисленными чешуйками пенящихся валов. На горизонте море сходится с небом; строгая, прямая линия, разделяющая воду и воздух расплывается в бледном мареве.

Там, далеко, волны достигают громадной длины и высоты, но с берега видны только белые гребни их. В проливе волнам тесно, они сбились, спали, стали короче и круче и потому кажутся сердитыми и коварными. Со злобой уда-

ряют они в гранит материка, мечутся посреди пролива и рассыпаются у берегов острова во вспышках светлых брызг. Издалека остров кажется невысоким, многочисленные холмы и горы слились в одно сплошное белое пятно, резко выделяющееся на фоне черных волн и голубого неба. Однообразная белизна острова производит удручающее впечатление; он невеселый и кажется мертвым.

Наши друзья стоят на вершине горы, блуждая взглядом по морю в поисках своих товарищей, но глаз их не может поймать маленькой точки, то появляющейся, то исчезающей среди горбатых волн пролива.

Точка эта — наш карбас. Он держит курс прямо на гору, но все дальше и дальше относит его течение в сторону. Бортом описывает он широкий полукруг, но пройдут еще долгие часы, прежде чем он снова приблизится к берегу.

— Раз, два... раз, два... — командует боцман.

Точно, по команде, наклоняемся мы далеко вперед, опускаем весла, затем отклоняемся назад и вырываем их из воды. Гребем, но силы оставляют. Физических сил не хватает, вся надежда на волю и упрямство. Усталость переходит в изнеможение. Руки и ноги коченеют на ветру.

— Раз, два... раз, два...

Час уходит за часом, ему на смену приходит новый. Нас некому сменить. Весло кажется пудовой гирей, нет сил вытащить его из воды. Это уже не гребля, мы не гребем, мы только мочим весла.

Жуть охватывает. Неужели — конец? Вот там сидит кочегар. Этот страшный человек еще двигается, он опускает в воду весло, мешает гребцу, но борется за свою жизнь. А остальные? Лежат, запрокинув голову, или сидят, прислонившись спиной к борту. Вернуть их к жизни, для этого одно только средство, оно — в движении этих деревянных палок. Опускайте их в воду, гребите!..

— Отдадим последние силы! — кричит боцман.

— Есть, отдадим последние силы...

Но последние отданы. Больше нет...

Боже мой! Что это с Леней?! Он уронил весло, упал... Тело скатилось с банки в воду, наполняющую карбас. Голова и руки повисли на борту.

— Леня! Леня!

Нет, он не слышит. Он спит. Секундой раньше он греб наравне с нами; мертвой хваткой вцепился в него неведомо откуда взявшийся сон. Его трясут за плечи, тащат за шиворот, бьют кулаками в спину и грудь. Напрасно. Лицо его

побелело, на губах улыбка. Должно быть, ему хорошо сейчас, нашему славному мальчику...

С каким-то хрипом в груди, с криком хватаемся мы снова за весла. Мы получили первый привет из мира небытия.. нет, мы не хотим!

— Последние силы!.. — кричит боцман.

Музыкальный слух у меня далеко не абсолютный, голоса — вообще нет. Тогда я над этим не задумывался. Реветь всякий умеет.

— „Из за острова на стрежень!“ —

Это не наши голоса. О! как ревут эти люди. Один из немцев открыл глаза. На полстрофе пение оборвалось. Попрежнему грохочет волна. Поет ветер. И все таки мы отхватили у них несколько метров! Опять запели. Резко, вдруг обрываются голоса. Механически работаем веслами.

Кружится голова, хочется спать. Ноют руки, тупая боль переходит в плечи, спину. Ладони окоченели.

Сидящий за мной перестал грести.

— Константиныч, что ты?...

Неловко свесив голову на бок, с открыты ртом спит наш кок. Ухо у него белое, белеет кончик носа. Вдвоем с Мишей хватаем его, встряхиваем его, он грузно откатывается в сторону. — Этот заснул без улыбки.

Двое выбыли. Ужасно, подлинный ужас охватывает остальных.

— Не спите, черти! — ревет боцман. — Отдадим последние силы!

Мы еще отвечаем.

Глухое безразличие находит минутами. Овладевает дремота. Как мокрый пес стряхивает воду, так сбрасываешь с себя сон и снова хватаешься за весло. Подъем минутный. Опят засыпаешь. Просыпаешься от того, что весло застряло в воде. Закусываешь губы, оглядываешься кругом, видишь, как гребут другие и шепчешь себе „держись, держись еще...“ Несколько гребков пободрее, потом вдруг перед глазами появляется как бы мутная пелена, ее прорезают молнии яркого света. Огромные черные шары валятся откуда-то сверху. Их все больше, падение все стремительнее... Прочь отсюда! Нужно бежать! Бросаешься в сторону, голова клонится к борту и ударяется об уключину. Откуда-то вырывается сноп ярких, красно-зеленых лучей и больно режет глаза. Слышен резкий, как будто человеческий, крик. Глаза открываются, выпрямляешься, осматриваешься кругом. А... это опять запели!

Пять человек кричат во все горло. Опять полстрофы и опять молчание. В течение минуты, секунды, чередуются самые противоположные настроения. Невероятный подъем духа, сверхестественное напряжение воли мгновенно сменяются полным упадком сил. — Только бы не спать, только бы не заснуть! — сверлит мозг единственная мысль. Заснешь — и все пропало, но тут же хочется ответить: — а не все ли равно?..

Силу дает еще чувство ответственности. Я убежден, что каждый из нас, будь он один в шлюпке, давно бы отказался от борьбы, заснул бы мирным сном. Вот эти несчастные, что здесь рядом с нами спят или сидят неподвижно, вот тот кочегар, все еще качающийся на банке — они своим страшным видом возбуждают наши нервы, а нервы дают силу рукам. Вид уснувших товарищей сурово предостерегает от слабости, он заставляет выжимать из себя последние остатки физической и моральной выдержки и бросать их целиком на это ритмическое движение — раз, два...

Прошло четыре часа с тех пор, как мы отвалили от острова. Уже недалеко до берега материка. Но подойти мы не можем. Отлив и ветер сильнее нас.

— Братцы, мы погибаем, нужно дать отдых! — восклицает боцман.

Я протестую, мне кажется, что это конец, что это будет не отдых, а отказ от борьбы. Все-таки бросаем якорь. Весла на борту.

На лицах пятерых, оставшихся на своих местах, изнеможение и почти что отчаяние. Нужно подкрепиться, но есть нечего. Появляется бутылка лабораторного спирта. Она обходит всех, как пьющих, так и тех, кто никогда не пил. Мы не чувствуем вкуса спирта, точно так же это могла бы быть вода, мог бы быть кофе с молоком. Осталась одна сигарета. По очереди затягиваемся все.

В рассохшемся карбасе воды по колено. Сквозь пазы между досками струится она маленькими быстрыми ручейками. Вода прибывает все сильней. Ее едва успевают откачивать сидящие на корме. Но вот из днища выскакивает пробка. Вода забила ключом. Еще минута и карбас погрузился бы вместе с нами на дно. Каким-то чудом Илье удалось нащупать пробку и заткнуть зловещую дыру. Почти до самых банок доходит грязное месиво под нами. Но откачивать нет больше сил... да и смысла мало. Надо скорей уходить, любой ценой добираться до берега.

Метр за метром выбираем якорь. Гулко стучат падающие на борт звенья цепи. Тяжесть ее кажется непомерной. Наконец, показывается якорь. У нас не хватает сил перебросить его. Крепим за бортом.

Первые-два три гребка как будто сильнее, но потом— опять все по старому.

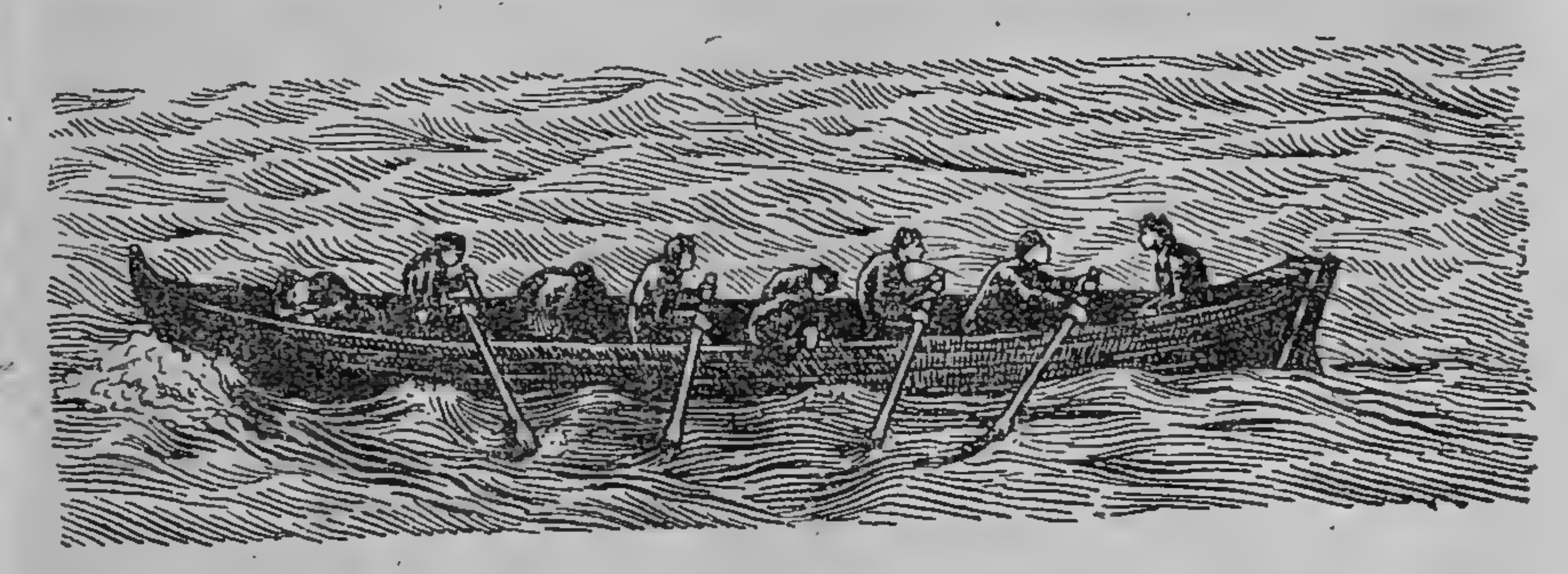
— Отдадим шлюпку? — кричит мне боцман.

— А даст нам это ходу?

— Даст...

— Отдать шлюпку!..

Спешно отвязывает ее боцман и кидает конец в воду. Мы смотрим ей вслед. Она брошена на волю волн. Волны не пожалели ее, разбили о скалы в мелкие щепы. Мы

смотрим, как удаляется она, покачиваясь и вздрагивая. Ярко блестит ведро, оставленное на банке.

Карбас действительно прибавил ходу. Но до становища еще далеко. Нужно пройти мыс, за ним мы сможем считать себя в безопасности.

Работают только четыре весла. Мы почти не двигаемся с места.

— „Из-за острова..."

Слова обрываются.

— Миша, милый!.. — бросаюсь я к матросу.

Он рядом со мной, я на левом, он на правом весле. Секундой раньше он еще пробовал подхватить песню. Сейчас он лежит на боку, спит... Спит тем же зловещим сном, что и Леня, Константин и бо̀льшая часть немцев. Еще один выбыл. Осталось четверо. Рулевой пересаживается на весло.

Нет, всему есть предел. Теперь — конец. Нечего уже... Голова падает на руки. Спать! Спать! Ух... еще немного...

Из четырех гребут двое. Очнется третий, взмахнет веслом и забудет его в воде. Иногда гребет один. Потом опять все четверо. Как случится.

Так заворачиваем за мыс.

Селение близко. Спасены! — мелькает в мозгу. Его прорезает нестерпимой яркости белая молния и исчезает вместе с сознанием. Просыпаешься снова, слышишь всплеск воды от ударов весел, оглядываешься кругом. Да, мы в тихой бухте, мы подходим к берегу. Возращается старая инерция, опять опускаешь в воду весло.

Киль карбаса коснулся дна. Конец... Спасены... Кричим, ревем, что есть мочи. Из изб высыпает народ. Это люди или призраки? Почему они так бешено скачут, откуда их так много, сотни, тысячи... Они бегут, все ближе, ближе... Вот они уже здесь, рядом... Почему они так орут?..

Это было спустя сутки после нашего с Леней ухода со станции.

XVI. В ТЕПЛЕ

„...мы же, остальные, встретили братский прием у поморов. Вся деревня, вплоть до маленьких детей, вышла нам навстречу...“

(Из „Рассказа спасенных германских моряков“. Веч. Кр. газ. январь 1929)

Нас подхватывают подмышки, одних выводят, других выносят на берег. Вверх, по склону бугра, к жалким избушкам становья тащат нас рыбаки.

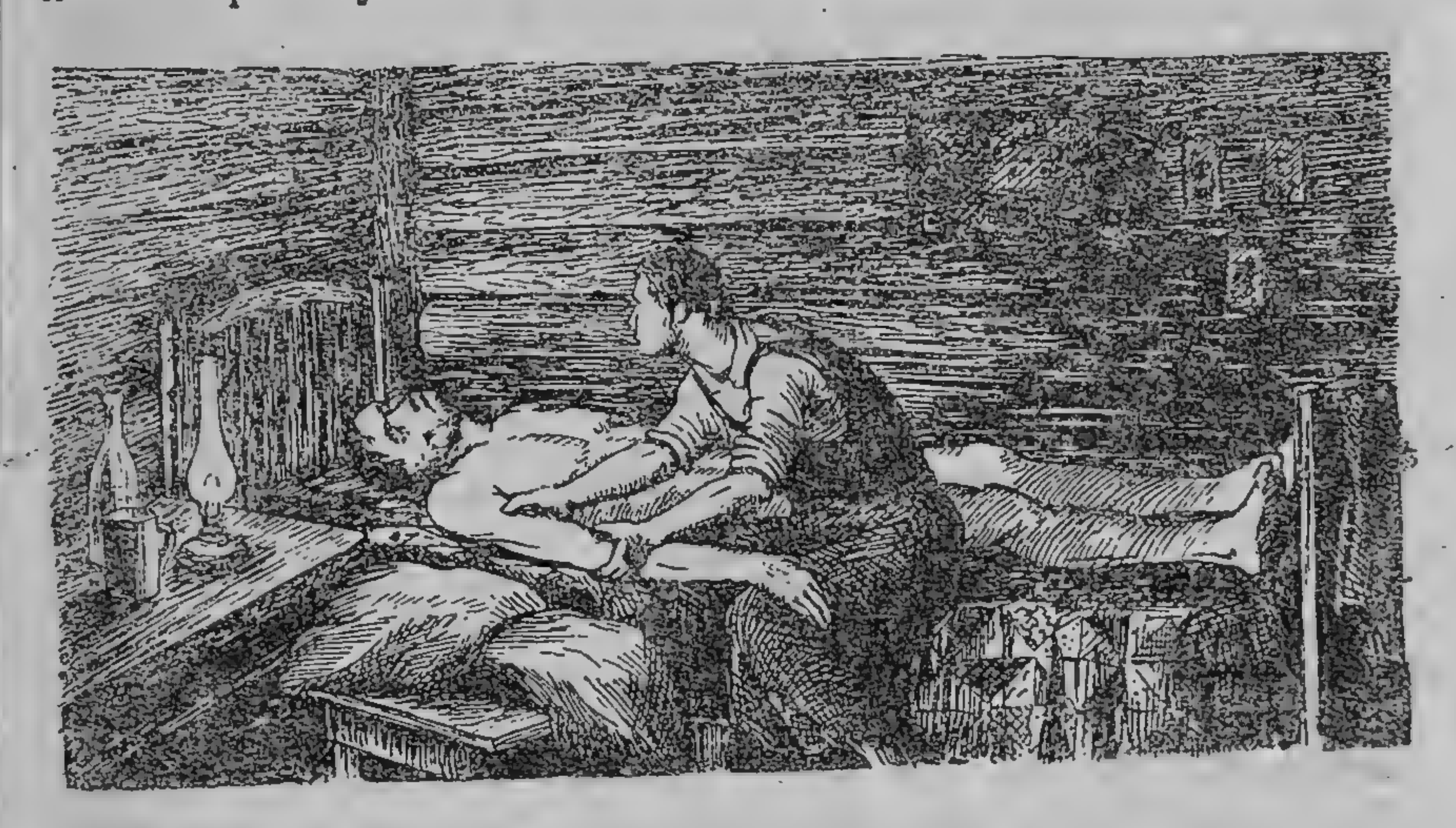
Горячая, банная атмосфера охватывает нас при входе в помещение.

Одного за другим вносят людей, спящих или окончательно обессилевших. Немцев, Леню и повара кладут на койки и на разостланные на полу оленьи шкуры. Бо́льшая часть наших все-таки держится на ногах. Мы плохо понимаем, что делается кругом. Изба битком набита народом, шныряют какие-то детишки.

Рыбачки под предводительством учительницы берут всех нас в работу. Стаскивают обувь, одежду и принимаются растирать нам снегом ноги, руки и лица. Закоченевшее тело мало-по-малу начинает согреваться. Руки мучительно ноют, острая, томящая боль ломит ноги. Это хорошо, зна-

чит, в них возобновляется циркуляция крови. Жизнь возвращается к телу, но озноб еще не миновал. Нас начинает трепать. Стоя на ногах я трясусь всем телом, напротив меня — Миша, проснувшийся от своего жуткого сна. Мы дергаемся во все стороны как игрушечные паяцы, и это длится долгие минуты, десятки минут, почти час. Потом мы успокаиваемся, нас опять оттирают. Бедному Мише, отправившемуся в поход в валенках, пришлось их срезать; снять не было никакой возможности: нога смерзлась с сапогом в одно целое.

Леня лежит поперек койки. Его внесли в избу, положили и он до сих пор не пришел в сознание. Он попрежнему как-то криво улыбается, потом начинает бредить с закры-

тыми глазами. Плаксивым голосом просит дать ему пирожок — „шанежку". Затем опять засыпает.

Он не единственный, не пожелавший вернуться к сознанию: почти все немцы совершенно невменяемы. Их особенно долго и старательно оттирают женщины. Бойкая, молодая учительница не щадит своих сил, от одного переходит к другому. Кочегар в бреду. Его растирают всего, с головы до ног. Часами бьется над ним учительница. Спасибо ей, но бедная жестоко поплатилась за свое усердие: работая в теплой избе, она застудила себе в снегу руки и потом долго и серьезно болела.

Из всех тринадцати человек меньше других пострадал почему-то я. Все наши порчнихинцы поотмораживали, кто

уши, кто руки или ноги; у большинства оказались отмороженными пальцы на руках. Через несколько дней кожа на них начала чернеть и лопаться, а потом стала отваливаться кусками. У немцев же поражения тела оказались, конечно, во много раз серьезнее. Характерно, что тогда же отморозил себе руки один из рыбаков, вышедший нас встречать. Он забыл или поленился надеть рукавицы и выскочил из теплой избы с голыми руками. Немногих минут, проведенных на ветру, оказалось достаточно, чтобы лишить человека трудоспособности на несколько месяцев.

Постепенно приходим в себя. Сознание возвращается полностью, а с ним и чувство долга по отношению к спасенным нами людям. Их уже распределили по всему крошечному помещению. Тех, что очнулись от сна, уже напоили горячим чаем и накормили хлебом. Но бóльшая часть немцев продолжает спать.

Рядом с Леней лежит старший механик. Он глухо стонет, должно быть ноет сломанная кость. Человек в бреду. Он что-то бормочет себе под нос, тяжело вздыхает, ворочается с боку на бок. Потом неожиданно подымается, оглядывается кругом и, завидев меня, громко спрашивает:

— Вы пойдете сейчас... спасать... остальных... тех, что еще на острове...

Что я мог ответить... И чего стоил мне ответ:

— Нет, мы не можем... сейчас...

Мы сами едва вырвались из лап смерти, наши люди лежат вот здесь, рядом с ними, такие же бессильные, как они сами. А те, что еще держатся на ногах, ведь это сонные тени, а не люди! Жуткий вопрос, страшная просьба... Страшная потому, что звучит она нелепо, абсурдно. Итти на помощь! Нет, единственное, что мы еще в состоянии сделать, это добраться до шкуры и броситься на нее. Спать!

Перед уходом из избы оглядываемся на спящих. Взгляд падает на фигуру механика. Он опять бредит, опять в беспамятстве. Наш невеселый ответ едва ли дошел до него. Смотришь — и чувство глубокого уважения к этому человеку овладевает душой. Какая сила нужна, чтобы в такую минуту вспомнить о товарищах!..

Нас ведут в соседнюю избу.

На полу разостланы теплые малицы.[1]

Перед сном нас поят чаем. И тут Илья вспоминает, что в карбасе позабыта бутылка коньяку, переданная нам

---

[1] Малица — нижняя одежда из оленьей кожи.

немцами после приема их с острова. Как это Ильюшенька мог позабыть такую вещь?! Не похоже на него. Видно, туго пришлось. Посылаем за бутылкой, но ее не находят; какой-то любитель из рыбаков успел уже подобрать.

Теперь можно спать.

Полтора суток прошло ведь.

Товарищи уже уснули.

Снимаю одежду, ложусь рядом с ними. Но сон не сразу смыкает глаза. В диком плясе мелькают эпизоды из только что пережитого. Теперь кончилось... Или нет еще? Какой-то ком подступает к горлу. Безумно хочется плакать. Как отвратительное лекарство стараюсь скорее проглотить этот ком. Собираю всю волю, чтобы громко не разрыдаться. Опять подкатывает...

Это последняя борьба. Но... не мне одному пришлось испытать это чувство: двое из тех четверых, что выдержали до конца, рассказывали после, как стояли они друг против друга в сенях избы и плакали. Не выдержали нервы.

XVII. К НАМ НА ВЫРУЧКУ

> „Все участники высказывались с большой признательностью о помощи, оказанной им англичанином и особенно русскими...
>
> (Из „Der Fischerbote“ 1929, № 6).
>
> „... нам никогда не забыть этих трагических дней когда мы бредили на скале и ощущали смерть возле себя...“
>
> (Из „Рассказа спасенных германских моряков“—Веч. Кр. газ. январь, 1929).

Сквозь сон я чувствую, как кто-то сильно трясет меня за руку. Пусть трясет. Потом толкает чем-то в плечо. Пусть толкает. А я буду спать.

Опять! Нет, это слишком! Чего им надо?! Вырываю руку и — открываю глаза.

Да, крепко же я спал, чорт возьми! Где это я?.. Ах, да..

— Что такое, в чем дело?

— За вами пришли.

— Пришли. Кто?

Надо вставать.

Хозяин-рыбак сообщает, что прибыло советское военное судно. Оно пришло оказать людям помощь. Телеграмма

о крушении немецкого траулера застала его в Мурманске Не медля ни минуты, полетело судно на всех парах к месту аварии.

Товарищи уже поднялись. Одеваюсь и я, и перехожу в избу, где расположились немцы.

Тускло горит лампа. В желтоватом свете ее блестит золото форменной фуражки. Здороваемся. Командир сообщает о прибытии своем и предлагает немедленно всем переправиться на борт корабля.

Пусть будет так.

Большинство из наших уже на ногах, но немцы спят крепким сном. Долго бьемся над ними, их невозможно растолкать. Человека сажают, ставят на ноги, но он продолжает спать и валится обратно. Наконец подняли всех. Почти все спасенные находятся в полном сознании. Только кочегар в бреду.

Изба битком набита народом. Шум, гам. Процедура одевания затягивается, так как не просто разобраться в куче сваленной одежды и белья. Каждый требует свое, у одного пропали носки, другой возится с двумя левыми сапогами. Рыбачки не понимают, что кому нужно, просят меня помочь, объяснить. Приходится сразу отвечать четверым.

Наконец, все готовы, оделись. Кочегара и еще двоих закутали в оленьи шкуры.

Пора уходить. В порыве благодарности те, кто сумел спасти кое-что из своего имущества, раздаривают его рыбакам.

— Скажите, скажите ей, что этот платок я вез жене, а теперь хочу подарить ей, — говорит мне немолодой, толстый машинист и показывает рукой на курносую девицу, стоящую в углу. Он манит ее одной рукой, а в другой держит широкий клетчатый, шерстяной платок. Та понимает в чем дело, но стесняется. Ей очень хочется получить платок, но неловко как-то... Подзываю ее, она пересиливает робость, хватает подарок и, раскрасневшаяся, убегает прочь из избы.

Тем временем механик собирает деньги. Их вручают хозяину, который с достойным видом принимает заслуженную награду и прячет кредитки за пазуху.

— А вот это передайте учительнице, — говорит мне механик.

В руках у него несколько бумажек — норвежские кроны. Подходит учительница.

— Нет, не надо мне... — говорит она и краснеет до ушей.

Ее уговаривают. Нет, она ни за что не примет. Тогда просят меня объяснить, чтобы взяла деньги для школы. Объясняю.

Нет, и для школы не надо.

Никакие уговоры не помогают. Она твердо стоит на своем. Молодец, так и не приняла!

Мы готовы. Выходим на улицу, в черную ночь. Ощупью спускаемся с холмика к фонарям, горящим на судовых шлюпках, стоящих у берега.

Посадка. Место мелкое. Чтобы попасть в шлюпку, нужно пройти по воде. Небольшая волна бьет в борта лодки, с шумом пробегает по камушкам. Один за другим забираемся в шлюпки, рассаживаемся по банкам. Здороваемся с военморами, терпеливо поджидавшими нас здесь.

Постепенно карбаса наполняются народом.

Мы смотрим, как сползают черные тени людей с покрытого снегом холма. Иногда в свете фонаря мелькает знакомое лицо. Вот пронесли одного из немцев.

Ждем.

Как-то хорошо, спокойно. Приятно, что о нас заботятся. Сон прошел, осталась только какая-то бодрая усталость. Наконец, отваливаем.

Очевидно, прежнее возбуждение еще не прошло, хочется двигаться. Хватаюсь за весло и гребу вместе с военморами.

Вот появляются пока еще далекие огни военного судна. Выходим из бухты. Здесь уже иная волна, настоящая, морская. Но мы бойко идем вперед. Огни быстро приближаются.

Последние взмахи весел. Команда:

— Суши весла!

Со стуком падают они на дно вельбота. По штормтрапу взбираемся на борт корабля. Некоторых, наиболее слабых, выносят.

Флаг приспущен до половины флагштока: на судне есть мертвый...

Еще раньше, когда мы отдыхали в становище, пришло по телеграфу известие, что один человек найден на острове замерзшим. Узнав об этом, товарищи его гадали, кто бы это мог быть. Грустное гаданье... Но все ошиблись, никто не предполагал, что погиб мальчик-юнга.

Разместились. Бо̀льшая часть в кубрике.

Судовой лекпом оказывает медицинскую помощь, мажет пораженные места мазью, обвязывает бинтами. Он долго возится с каждым.

— Ну что, как?

— Неважно... — качает он головой.

Наконец, все немцы осмотрены. Для наших нехватило бинтов. Впрочем, люди уже подкрепились, разместились по койкам и спят.

Двое из немцев чувствуют себя настолько сносно, что готовы отвечать на вопросы, касающиеся аварии. Командир судна и специальный инспектор просят их и меня, в качестве толмача, в кают-компанию. Их уже успели осмотреть, ноги и руки у обоих перевязаны, головы обмотаны бинтом.

Окруженные комсоставом, сидим в небольшой, уютной кают-компании. На стол подают вареное мясо с макаронами. Пока немцы едят, инспектор и капитан расспрашивают меня о случившемся. Потом разговор становится общим. Рассказ прерывается вопросами. Нить его обрывается, рассказчик подолгу останавливается на отдельных эпизодах. Потом вспоминает, на чем остановился, и снова переходит к последовательному повествованию. Мне приходится переводить немецкую речь, я пополняю ее тем, свидетелями чего мы были сами.

А вот в каком виде рассказ о случившемся передает судебный следователь, записавший события со слов капитана германского траулера в официальном отчете об аварии (начало см. гл. III):

„Поздним вечером 16 января пришел со стороны берега один русский, говоривший по немецки, который сообщил потерпевшим крушение, что в пути находятся сани, высланные им на помощь. Для того, чтобы не оказаться отрезанными от суши, решили перенести лагерь немного дальше, вглубь острова. Капитан Фезефельд отправился с русским навстречу санкам. После многочасового перехода оба пришли к тому месту, где стоял английский траулер и где русский раньше высадился на берег. Капитана вместе с русским приняли на борт англичанина, где русский узнал, что санная экспедиция вернулась безрезультатно после двух с половиной часов похода. Тогда решили попробовать добраться до острова на моторной лодке с тем, чтобы спасти остальных людей. Однако, из-за сильного мороза мотор не удалось пустить. Поэтому была

спущена большая весельная шлюпка, взявшая затем на буксир маленькую, и на ней отправились к месту кораблекрушения. Из оставленных в лагере двенадцати человек нашли только четверых. Остальные разделились на две партии по четыре человека и отправились на поиски санок и капитана. Троих отправили к подошедшей шлюпке. Однако, только двое достигли ее, так как повар Ханзен упал от бессилия в пути и остался там лежать. Криками и свистом удалось вернуть одну из групп и всех четверых отправить на шлюпку. Второй штурман, оставшийся при Брокмане, был послан к шлюпке позвать нескольких человек из команды шлюпки, чтобы те захватили раненого с собой в шлюпку, так как сами они, вследствие совершенного переутомления, не были в состоянии сделать это. Но русские не пришли, и капитан остался один при раненом в течение ночи.[1]

С наступлением дня пришли на помощь русские на двух лодках и взяли капитана и Брокмана с собой. Едва лодка отошла от берега, как был замечен лежавший в снегу повар Ханзен. Русские подобрали и его, после чего лодка направилась к английскому судну. В это время на борту его находились уже трое из команды, которые принадлежали к той группе, что отправилась на поиски первой. Согласно их сообщению, один из них, Фрейер, после двухчасового похода, совершенно обессилел, так что его приходилось нести. Люди тащили его после в течение около трех часов по очереди на себе. Фрейер совершенно закоченел и его товарищи признали его мертвым. Его положили в защищенном месте. После этого они продолжали свой путь. Через некоторое время люди нашли стог сена, который и зажгли для того, чтобы согреться у огня. Была сделана попытка отыскать Фрейера, но она кончилась ничем. Утром этим людям оказала помощь шлюпка с английского траулера, которая доставила их на борт судна.

Когда капитан Фезефельд узнал об этом, он дал понять русским, что случилось, и те отправились в путь с тем, чтобы доставить Фрейера. Тем временем его уже отыскали и подняли на борт русского пограничного судна. Остальные

---

[1]) Почему „русские не пришли", я объясняю в своем рассказе. Насколько мне, впрочем, помнится, ни второй штурман, ни кто-либо из остальных не были в состоянии объяснить что-либо. Эти люди были в тот момент совершенно невменяемы. Капитан остался не на ночь, а на день, так как мы доставили его на берег утром. *(Л. Р.)*.

шесть человек достигли берега и высадились у одного селения. Таким образом все люди оказались спасенными.[1] Восемнадцатого января все потерпевшие крушение оказались в сборе на русском пограничном судне, которое доставило их в Мурманск. Здесь они узнали, что юнга Фрейер скончался от обморожения. Оттуда люди были доставлены по железной дороге, через Ленинград, в Германию.

Все участники высказывались с большой признательностью о помощи, оказанной им англичанином и особенно русскими. Особенно пострадали шесть человек, которые были приняты русскими в шлюпку. Шлюпку эту понесло и прошло шесть часов, прежде чем ей удалось достигнуть селения. В течение всего этого времени люди сидели по колено в студеной воде, которой была полна шлюпка. Здесь кочегар Вассер отморозил себе ноги".

Мы спрашивали немцев чем объяснить, что бо̀льшая часть их так легко, совсем не по-полярному, одета. Ведь именно недостаточность одежды немало способствовала усилению поражений, причиненных морозом. Нам отвечают, что, видно, люди плохо позаботились о себе.

— Ну, а администрация что же?

— Это ее не касается, — отвечают немцы.

— Как так?

Оказывается, по существующим в Германии правилам, снабжение себя теплой одеждой — личное дело каждого члена команды.

В связи с этим любопытно отметить, что и немецкий следователь, разбиравший дело „Иоганнеса Тоде", счел нужным указать на ненормальность этого положения.

— В настоящее время, — говорит он, — снабжение себя одеждой ложится на каждого члена команды, и администрация судна или порта никакого касательства к этому вопросу не имеет. Таким образом, никакого контроля над качеством и достаточностью теплой одежды экипажа немецких судов не осуществляется. Такое положение нельзя считать нормальным. Необходимо, чтобы администрация порта или командование судна, отправляющегося в рейс на дальний север, брали на себя ответственность за снабжение команды теплой одеждой или, по крайней мере, контролировали его. Недостаточность одежды может в случае аварии сказаться роковым образом на здоровье членов команды. Необходимость

[1] Кроме скончавшегося Фрейера. (*Л. Р.*).

введения нового порядка ярко иллюстрируется случаем с траулером „Иоганнес Тоде".

Беседа наша сильно затягивается. Один из немцев уже давно перестал говорить, у него слипаются глаза. Мы тоже чувствуем некоторое утомление. Комсостав расходится по каютам. Нам предлагают расположиться в кают-компании.

Что же, опять спать? Смотрим на часы: стрелка на одиннадцати.

— Утра? — бросаю я вскользь.

— Как утра? Вечера!

Выясняется любопытное недоразумение:

— Вечера? — удивляюсь я, удивляются немцы.

— Значит, мы проспали больше суток! И... и опять хотим спать. Здорово!

— А какое сегодня число? — спрашиваю я через некоторое время.

— 17-е.

— Позвольте, что же это получается? Ведь семнадцатого мы только прибыли в становище.

Выходит что это было сегодня, что мы спали не больше шести часов! Ну, тогда понятно. — А все-таки забавно, как все перепуталось.

Желаем друг другу спокойной ночи. Укладываемся.

Хорошо. Тепло. Мягко лежать.

Опять пестрой волной проносятся впечатления дня, потом глаза закрываются и мы засыпаем. Наш сон спокоен и тих. Ничто нас больше не тревожит, ведь заснули мы с сознанием, что больше некуда спешить, что настал конец волнениям.

Корабль мерно покачивается на волнах, машина застопорена. Пойдем не раньше завтрашнего утра, когда будет светло и, может быть, стихнет непогода.

XVIII. ПО ДОМАМ

„... 19 января судно Мурманской пограничной охраны возвратилось в порт со спасенными моряками".

(Из журнала „Вокруг света" № 7, 1929). „одновременно доставлен и труп замерзшего матроса-австрийца Генриха Фрейера, похороны которого состоятся сегодня. Шесть человек из числа спасенных с переломанными ногами и отмороженными руками и другими частями тела помещены в городскую больницу. Остальным морякам предоставлен приют в помещениях пограничной охраны".

(Из Полярной Правды, 22 января 1929 № 9).

Так закончилась драма во льдах... Многие из вышеприведенных деталей напоминают еще свежие в памяти обстоятельства из эпопеи „Красина".

(Из Веч. Кр. газеты, январь, 1929).

Будит стук машины.

Уже светло. Идем проливом.

Впереди — силуэт английского траулера.

Стоя на палубе, всматриваемся вдаль. Замечаем, что на корме англичанина приспущен флаг. Вид этот повергает немцев в тяжелое раздумье. Они опять начинают гадать, кто бы это мог быть. Решают, что матрос Брокман, тот, у которого сломана нога. Хочется успокоить их, говорим, что англичане, наверное, спустили флаг в знак траура по юнге, находящемся на нашем судне. Немцы не верят. Положим, мы сами тоже не очень уверены в своей правоте. Тем не менее впоследствии выяснилось, что наше предположение, к счастью, оказалось правильным: вся остальная часть команды находится, правда, на англичанине, но среди них мертвых нет, люди даже сравнительно бодры.

Невдалеке от английского траулера наш корабль бросает якорь.

Собираемся в кают-компании, обсуждаем, как быть дальше. Половина немцев на англичанине, половина у нас. Командование советского судна решает предоставить им полную свободу выбора, на каком судне и через какие страны вернуться на родину.

Ночь, проведенная на удобных койках, вернула многим из немцев бодрость. Двоих мы встречаем даже на палубе. У них забинтованы лица и руки, но ходят они свободно. Остальные лежат на койках, пьют чай и ведут разговоры. Только кочегар, помещенный в судовом лазарете, попрежнему бредит.

Старший механик с нами, в кают-компании. К нему вернулась его природная живость, он энергично жестикулирует в подтверждение своего согласия отправиться домой через Советскую страну. Мы не оказываем на этих людей никакого давления — пусть решают, как хотят. Единственный довод в пользу этого варианта, который мы считаем себя обязанными привести, состоит в том, что путь через Мурманск и Ленинград короче пути через Норвегию. Людям нужен больничный уход, необходимо скорейшее возвращение домой. В Мурманске есть больницы, есть специалисты-хирурги, от Мурманска до Ленинграда поезд идет всего лишь 2 $^1/_2$ суток, а оттуда до Германии рукой подать. Путь до норвежского порта Вардё значительно дольше, путешествие до Гамбурга займет не менее восьми-девяти дней.

Механик кивает головой.

Да, да, он согласен, конечно, надо ехать через СССР. К тому же русские, советские люди оказали им главную помощь. Он улыбается, подчеркивая это слово. Он пойдет сейчас вниз, в каюты, и поговорит с остальными, он уверен, что они согласятся с ним.

Механик уходит и вскоре возвращается обратно с сообщением, что все принимают советский вариант.

— Но, — добавляет он — надо договориться также с теми, что сейчас находятся на англичанине.

— Да, конечно, — подтверждаем мы.

Остается решить еще один вопрос: где хоронить умершего. Большинство считает наиболее правильным опустить его в море. Уже готовят колосники, чтобы привязать их к трупу, готовят команду для оказания последней чести телу погибшего моряка. Но потом решают иначе: более удобным представляется похоронить его в земле после прибытия в порт. Так и было сделано.

Спускают шлюпку для перехода на английский траулер. Садится несколько человек комсостава и я, опять-таки, в качестве переводчика.

На английском судне мы узнаем историю спасения остальных.

Вкратце дело обстояло так:

После моего с капитаном ухода, остававшиеся в лагере выставили, согласно полученным указаниям, пикеты на вершинах холмов, которые должны были наблюдать за нашим возвращением. Однако, прождав нас понапрасну в течение многих часов, люди не выдержали, и четверо из них пошли на поиски ушедшего со мной капитана, а также группы людей с нартами, вышедшей им на помощь. Эти люди рассчитывали, что если они и не встретят никого, то, по крайней мере, сами доберутся до жилых домов, так как ошибочно предполагали, что станция расположена здесь же, на острове.

Среди них находился также — впоследствии скончавшийся, Фрейер.

Шли очень долго. В пурге и ночи заблудились. Юнга совершенно обессилел, не смог больше итти, и остальные трое вынуждены были нести его. По очереди брали они бедного мальчика к себе на спину и шли вперед. По словам этих людей, они тащили его таким образом добрых три часа. Юнга совершенно окоченел и, как им казалось, умер у них на руках. Тащить с собой мертвеца было бесцельно и невозможно. Тогда товарищи его попрощались с ним и положили холодное тело на лед, оказавшегося здесь озерка, а сами пошли дальше.

На своем пути люди неожиданно набрели на засыпанный снегом стог сена. Стог зажгли в расчете согреться у огня. Бросились на поиски оставленного товарища с тем, чтобы подтащить его к огню, чтобы попытаться вернуть его к жизни, если она еще теплится в нем. Но мальчик остался лежать, где был покинут, его не смогли отыскать...

Среди людей, оставшихся в лагере, царило полное отчаяние. Из ушедших никто не вернулся, помощь — неизвестно где и придет ли она вообще, а между тем призрак смерти все ближе и яснее, и часто кажется, что вот уже он хватает за горло. И люди снова не выдержали — опять отделились четыре человека и ушли прочь из лагеря. На месте остались только последние четверо, в том числе матрос со сломанной ногой.

Когда доставленный нами на остров немецкий капитан пришел в лагерь, он застал здесь только этих троих и беднягу Брокмана. Капитан остался при раненом, остальные трое направились к нашей шлюпке. Кок не дошел, упал на пути и не смог подняться. Одному из двоих, добравшихся до нашей шлюпки, было поручено просить нас

помочь доставить Брокмана на шлюпку. Сделать это оказалось невозможным. Мы захватили обоих с собой, а также всю вторую партию из четырех человек, услыхавшую наши свистки и крики и заметившую свет наших сигнальных огней.

Тем временем к острову подошли две шлюпки с людьми из Захребетной, из того селения, укрыться в котором нам стоило такого труда. Мы не будем касаться вопроса о цели выхода рыбаков, для нас важно то, что они помогли выбраться с острова капитану и Брокману. Когда они уже отвалили от берега, то случайно заметили лежащего на снегу судового повара. Человек бессознательно шевельнул рукой, и это движение было замечено с лодки. Его подобрали и всех троих доставили на английский траулер.

Рыбаки со второй шлюпки розыскали тело Фрейера. Он еще не был мертв, но на возвращение его к жизни надежд не было. В третьей стадии обморожения он был доставлен на борт советского корабля.

Остальные трое в конце концов добрались до места стоянки английского траулера. Доставку их на судно произвели англичане.

Неудивительно, что люди, расквартированные на английском траулере, не очень охотно принимают предложение перейти на другое судно. Их, протестующих, несколько. Капитан колеблется. Тогда механик, прибывший с нами на английское судно, берет инициативу в свои руки. Он берется сходить в кубрик, поговорить с ребятами. Я следую за ним.

Горячо доказывает он, убеждает. Оба спорщика, наконец, сдаются.

Решение принято. Без лишней проволочки, по-военному, беремся за перевозку.

В первой партии — трое. В следующую должен войти главный недовольный — кок Ханзен. Мы помогаем ему выбраться на палубу. Здесь приходится немного подождать — шлюпка еще не возвратилась. Вот здесь этот маленький человек показал себя. Он почувствовал себя вправе возмутиться нашим отношением к нему, возмутиться в грубой, наглой форме. Пришлось осадить. Да, этот человек совсем иного типа, чем механик, капитан, тот же кочегар, или богатырь со сломанной ногой!

Вспоминается эпизод с последним. Спустившись в матросский кубрик, я увидел там страдальца, лежащего на

койке. Казалось бы, что именно ему было хуже других, что именно он должен будет протестовать против перевозки на русское судно. Я спросил его об этом, справился об его самочувствии. И что же?

Он ответил, смеясь:

— О! все это пустяки, я силен и здоров, а для полного счастья мне не хватает только денег Ротшильда.

Вот это, молодец!

Люди переправлены.

Прощаемся с англичанами. Крепко пожимаем друг другу руки. Молча улыбаемся.

Перебрались на наш корабль.

— Поедем с нами в Мурманск? Там расскажете обо всем, — говорит нам командир.

— Ну, зачем?.. пора домой.

Обходим по очереди всех немцев:

— Adieu, auf Wiedersehen...

Их одиннадцать. Двенадцатый — кочегар.

— Можно пройти к нему? — спрашиваем у лекпома.

— Зайдите.

Бред прекратился. Человек лежит с закрытыми глазами. Берем его руку. Он подымает веки. Пробует кивнуть головой, улыбнуться, но улыбка не удается, он отворачивается к стене и плачет. Глеб Семенович, Леня и я — мы тоже плачем.

С тринадцатым из команды прощаться поздно.

Спускают шлюпку. Садимся.

Вдоль релингов стоят матросы, командир и его помощники. Они шлют нам, уходящим, свои теплые пожелания.

— Прощайте, товарищи!

Машем шапками.

— Привет Мурманску! — кричит Леня.

Острый конец багра впивается в дерево сваи.

Табань! Суши весла!

Наверху над нами — три улыбающихся лица.

— Наконец-то! Что с вами было?

— Погодите, сейчас расскажем. Впрочем, все в порядке — смеемся мы.

Обозначение к рисунку смотри на последней странице.

—·—·— рейсы английского траулера.
———— (на море), рейс спасательной экспедиции,
- - - - - путь Л. Ретовского (на острове).
-·-·-·- путь группы Л. Фролова.

1. Место прихода английского траулера и посадки на него двух сотрудников станции.
2. Якорная остановка английского траулера во время поисков на острове.
3. Место высадки со шлюпки, с которой пущена вторая ракета.
4. Место оставления фонаря, с которого пущена первая ракета.
5. Лагерь потерпевших крушение.
6. Второй лагерь потерпевших крушение.
7. Место оставления груза.
8, 9 и 10 — крайние точки, достигнутые траулером при попытке пройти к станции и к лагерю потерпевших крушение.
10. Место спуска шлюпки, направившейся на станцию.
11. Станция Института по изучению севера.
12. Место встречи спасательного баркаса с английским траулером.
13. Крайняя точка, достигнутая баркасом, с которой стали видны фигуры потерпевших крушение.
14-а и б. Место высадки Н. Кулль, Л. Фролова и германского капитана.
15 и 16. Места сделанных попыток подойти к берегу.
17-а и б. Место посадки 67 человек команды германского траулера.
18. Место вынесенного решения итти на Захребетное.
19. Место отдыха и оставления шлюпки.
20. Становище Захребетное.

⊕ Место аварии германского траулера.
А. Место падения кока с германского траулера, подобранного рыбаками из становища Захребетного.
Б. Район гибели юнги с германского траулера, подобранного ими же.
▲ Мигалка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 1 р. 50 к.